

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 3 (5) 2014

ТОМСК
2014

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

*О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент НИ ТПУ
(и.о. зам. главного редактора);*

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор ТГПУ;

*А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);
Б. Вагнер-Надь, Dr. habil.,*

профессор Института финно-угроведения/уралистики, университет г. Гамбурга (Германия);

Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

А. А. Ким-Малони, доктор филологических наук, профессор ТГПУ;

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. А. Тучкова, кандидат исторических наук, доцент ТГПУ;

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ.

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 52-17-58.

Адрес редакции:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
Тел. (3822) 52-17-94, факс (3822) 52-17-93. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-12-93

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013.

Подписано в печать: 03.09.2014 г. Сдано в печать: 04.09.2014 г. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 10.25. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 813/Н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Технический редактор: О. И. Ежова.

Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Г. В. Кругликова.

© ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», 2014. Все права защищены.

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 3 (5) 2014

**TOMSK
2014**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

- O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
National Research Tomsk Polytechnic University (acting Deputy Editor in Chief);
S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Tomsk State Pedagogical University;
A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);
A. A. Kim-Maloney, Doctor of Philology, professor, Tomsk State Pedagogical University;
E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);
E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);
L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);
Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);
N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. A. Tuchkova, Kandidat Nauk, History, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University.*

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 52-17-58

Address for Correspondence:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
Tel. +7 (3822) 52-17-94, fax +7 (3822) 52-17-93. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 52-12-93

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)
PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 03.09.2014. Submitted for printing: 04.09.2014. Formate: 60×90/8. Paper: offset.
Printing: screen. Edition: 1000. Price: not settled. Order: 813/H

Production editor: L. V. Dombrasuskayte. Text designer: O. I. Ezhova.
Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: G. V. Kruglikova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2014. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

- Крюкова Е. А.* Числа, с которыми играют люди: числительные в контексте устного творчества кетов. 9
- Кобенко Ю. В.* Тенденции к диаморфизму в современном немецком языке 17
- Моисеева Е. Ю.* Явление мотивации слов в динамическом аспекте (на примере фитонимической лексики русского языка) 23
- Терещенко А. В.* Интерпретация стилистического приема «метаморфоза»: на материале селькупских сказок и мифов народов мира . . . 39
- Шестера Е. А.* Интонационные универсалии и мелодика высказываний в телеутском языке 49

АНТРОПОЛОГИЯ

- Грошева Г. В.* Немецкий дискурс о прошлом и проблема соотношения национальной и европейской идентичностей немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) 57
- Сайнакова Н. В.* Церковь Живоначальной Троицы в селькупских юртах Иванкиных как один из первых православных храмов в Нарымском крае 68

СООБЩЕНИЯ

- Фильченко А. Ю.* XXVII Дульзоновские чтения 76

НАШИ АВТОРЫ 79

OUR AUTHORS 80

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Kryukova E. A.</i> The Numbers People play with: Numerals in the Context of Verbal Creativity of the Kets	9
<i>Kobenko Yu. V.</i> Diamorphism Tendencies in the Contemporary German	17
<i>Moiseeva E. Yu.</i> Word Motivation in the Dynamics of Language (by in Russian Herbs Names)	23
<i>Tereschenko A. V.</i> Interpretation of the Stylistic of Device Metamorphosis: Selkup Fairy Tales and World Mythology Data	39
<i>Shestera E. A.</i> Intonation Universals and Prosody of Utterances of the Teleut Language	49

ANTHROPOLOGY

<i>Grosheva G. V.</i> German Discourse About the Past and the Problem of Correlation of National and European Identity of Germans (second half of XX – beginning of XXI centuries)	57
<i>Sajnakova N. V.</i> The Church of Trinity in the Selkup Village of Ivankino – one of the First Orthodox Temples in Narym Area	68

REPORTS

<i>Filchenko A. Yu.</i> XXVII Dulzon Readings	76
---	----

AUTHORS (In Russian)	79
---------------------------------------	----

AUTHORS (In English)	80
---------------------------------------	----

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*
Hockett Ch. Man's place in nature.
New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят три-четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- теория языка и проблемы современной лингвистики;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором (ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*
Hockett Ch. Man's place in nature.
New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

‘Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology’ was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Three-four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

– documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and world-wide;

– typological research of languages of Russia and worldwide;

– linguistic theory and methodology of linguistic research;

– cultural and regional linguistics;

– social and cultural anthropology

(including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

– relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;

– academic novelty of research;

– independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);

submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;

adherence to citation rules;

correspondence of the submission to academic writing conventions;

if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

Крюкова Е. А.

ЧИСЛА, С КОТОРЫМИ ИГРАЮТ ЛЮДИ: ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В КОНТЕКСТЕ УСТНОГО ТВОРЧЕСТВА КЕТОВ

Рассматриваются функции, в которых выступают количественные числительные от 1 до 7 в фольклорных и бытовых текстах, и примеры того, как числительные объективируются в языковой картине мира кетов. Исследование проведено на материале корпуса кетских фольклорных и бытовых текстов, состоящего из 30 текстов (около 1100 предложений). Количественные числительные от 1 до 7 довольно часто встречаются в текстах, это определяется нуждами носителей языка, их культурными и космогоническими представлениями о мире.

Ключевые слова: *кетский язык, количественные числительные от 1 до 7, функционирование числительных в фольклорных текстах, сакральное значение чисел.*

В современных исследованиях не только по малым языкам, но и по национальным языкам с многовековой традицией до сих пор высказываются противоречивые мнения по поводу формирования класса числительных в самостоятельную часть речи, отмечается пестрота форм имен числительных, нарушение норм их словоизменения (Быконя, 1998; Главан, Быконя, 2006; Старикова, 2011; Главан, 2006; Колбышева, 2003). Кроме того, в малоизученных языках наблюдается разнообразие форм одних и тех же числительных, выходящих за пределы первого десятка чисел (Крюкова, 2013).

В статье рассматриваются функции, в которых выступают количественные числительные от 1 до 7 в фольклорных и бытовых текстах, и примеры, как числительные объективируются в языковой картине мира кетов. Исследование проведено на материале корпуса кетских фольклорных и бытовых текстов, состоящего из 30 текстов (около 1100 предложений). Этимология исследуемых числительных подробно описана в книге Г. К. Вернера (Werner, 2006: 174–177), и в настоящей статье данная тема не затрагивается.

В кетских фольклорных и бытовых текстах количественные числительные от 1 до 7 встречаются довольно часто, в корпусе зафиксировано около 60 таких предложений.

В кетском языке существуют специальные числительные со значением ‘один’, используемые для указания на одушевленный *qoʹk* (AN) ‘один’ и неодушевленный *qūsi* (INAN) ‘один’ предмет. Они являются самыми частотными в нашем корпусе (15 случаев употребления).

Нередко числительные *qoʔk* (AN) / *qūsʲ* (INAN) ‘один’ выступают в предложении в функции неопределенного артикля, примеры (1), (2).

(1) *a qoʔg báàt daŋa bara...*

a **qoʔk** Báàt daŋa Bada
a **один** Старик ему Сказал

А один старик ему сказал... (Бальна. Курейка, 1959)

(2) *qūsʲ sʲemʲjat iya i reoldaq qoʔk bəjɹ.*

qūs sʲemʲja-d hʲjka i da-ol-daq **qoʔk** bəjba
один семья-3.INAN внутри и 3.F-PST-жить **один** сирота

В одной семье жила-была сирота. (Как сирот нужно растить. Елогуй, 1956)

В русском переводе, пример (2), отсутствует формальное выражение неопределенности у существительного сирота, что выражается через актуальное членение предложения.

Несомненно, встречаются примеры, где числительные *qoʔk* (AN) / *qūsʲ* (INAN) ‘один’ выполняют прототипичную функцию числительного, а именно указание точной количественной характеристики, см. примеры (3), (4).

(3) *aʼbiŋte kat uʼsem: qoq hip, qok hun abiŋte.*

abaŋta kəʔd usam **qoʔk** hʲb **qoʔk** huʔn abaŋta
у.меня дети имеется **один** сын **один** дочь у.меня

У меня дети есть: один сын, одна дочь у меня. (Диалог 3. Курейка, 1959)

Пример (3) взят из текста, где имеет место перевод с русского на кетский язык. Однако словосочетания *qoʔk hʲb*, *qoʔk huʔn* ‘один сын, одна дочь’ встречается в кетской мифологии в сказке про кукушку.

В примере (4) числительное *qūsʲ* ‘один’ (INAN) употребляется с исчисляемым существительным, указывая на количество:

(4) *buŋnaŋte ku:s a:sʲiʲ lem oneblʲok.*

būŋ-naŋtan **qūs** asl lēm on-e-b-lokŋ
они-ADSS.PL.ANIM **один** лыжа доска PST-EP-INAN.SBJ-дрожать

У них одна лыжа раскололась. (Хунь с Колбасам жили. Курейка, 1959)

В сочетании с абстрактным существительным, пример (5), числительное *qūsʲ* ‘один’ (INAN) выступает в роли местоимения со значением «один и тот же»:

(5) *(ker aʼnuŋ qontonog) i kus sej doletɛ:n.*

... i **qūs** sej d-ol-e-tan
... и **один** место 3.M-PST-EP-остановиться

Человек рассудок потерял и на одном месте встал. (Человек оленя поймал. Курейка, 1959)

Все числительные от 1 до 7 встречаются в кетских фольклорных и бытовых текстах как часть составного определения, пример (6):

(6) (*es'eri:*) *kusʲ qo:jə qo:jə; in sʲik qo:jə qo:jə; ...*

qūs	qòj-o	qòj-o	ĩn	sikŋ
один	медведь-VOC.M	медведь-VOC.M	два	год\PL

qòj-o	qòj-o
медведь-VOC.M	медведь. VOC.M

(Зови:) одногодовалый медведь, медведь; двухгодовалый медведь, медведь; ...
(Хунь с Колбасам жили. Курейка, 1959)

Предложение (6) – часть кумулятивного контекста, в словосочетании ‘одногодовалый медведь’ опущено слово *sʲik* ‘год’, однако в двух других примерах этого же кумулятивного контекста слово *sʲik* ‘год’ присутствует: *kusʲ sʲik qo:jə* (один год медведь) (Хунь с Колбасам жили. Курейка, 1959).

Кроме того, *qūsʲ* ‘один’ (INAN) встречается в следующих составных определениях *qūsʲ iʳʲ iʳʲ* (один весна день) ‘в один весенний день’ (Как сирот нужно растить. Елогуй, 1956); *qus sʲikʲ deʳŋ* (один год человек) ‘ровесники’ (Диалог 3. Курейка, 1959).

Таким образом, числительные *qoʳk* (AN) / *qūsʲ* (INAN) ‘один’ встречаются в 15 предложениях:

qoʳk ‘один’ (AN) – 5 случаев употребления: в функции неопределенного артикля – 3, указание точной количественной характеристики – 2;

qūsʲ (INAN) ‘один’ – 10 случаев употребления: в функции неопределенного артикля – 2, указание точной количественной характеристики – 2, в функции местоимения – 1, как составная часть определения – 5.

Следующим по порядку в натуральном ряду является числительное *ĩn* ‘два’. По своей частотности оно не уступает числительному *qoʳk* (AN) / *qūsʲ* (INAN) ‘один’ (15 случаев употребления).

Пример (7) демонстрирует выражение прототипического значения числительного – указание на точное количество:

(7) *kogd ʲiʳn san 'no:sen ʳo 'ŋon sa 'no.*

qokde	ĩn	sanno-sa-n	aŋ-o-tŋ	sanno
осень	два	белковать-NMZ-PL	3.PL-PST-идти	белковать

Осенью два охотника пошли белковать. (Осенью два охотника пошли белковать. Елогуй, 1956)

В трех предложениях числительное *ĩn* ‘два’ встречается в составе устойчивого сочетания *tam in toq, doŋ toq bi:levet* ‘два шага ли, три шага сделал’, см. пример (8):

(8) *tam in toq, doŋ toq bi:levet, da qoj da qu:sʲ ha:pʻta.*

tam **ĩn** toʻq **doʻŋ** toʻq b-il-e-bet
PART **два** шаг **три** шаг INAN.OBJ-PST-EP-делать

Два шага ли, три шага сделал – дядин чум стоит. (Сказка про Нюням. Курейка, 1959)

Словосочетание *ĩn deʻŋ* (два люди) имеет собирательное значение ‘двое’, см. пример (9):

(9) (*hamga qaj buŋulu*) – *aŋŋ ʻelʲ iʻn deʻŋ o ʻŋetn.*

aʻq-n-diŋal **ĩn** deʻŋ aŋ-a-tn
лес-PL-ABL.INAN **два** люди/PL 3.PL-PRS-идти

(Эвенк на гору посмотрел) – с горы двое идут. (Бальна воевать стал с эвенками. Курейка, 1956)

Кроме того, что числительное *ĩn* ‘два’ четыре раза встречается в кумулятивном контексте в словосочетании *ĩn siŋŋ* ‘двухгодовалый’, как в примере (6), оно обнаруживается и вне кумулятивного контекста, как в примере (10):

(10) *t kereŋe bare: “keto:, qo: sʲesʲt in ʻitaŋ”.*

da keʻd-daŋa bada keʻd-o
POSS.M человек-DAT.M 3М.говорить человек-VOC.M

kəʻ **ĩn** ĩt-n
по.ту.сторону **два** зуб-PL

Он своему товарищу говорит: “Товарищ, напротив сидит двузубая”. (Каугусь беличья мать. Курейка, 1959)

Таким образом, числительное *ĩn* ‘два’ встречается в 15 предложениях: указание точной количественной характеристики – 3; в составе устойчивого сочетания *tam in toq, doŋ toq bi:levet* ‘два шага ли, три шага сделал’ – 3; в словосочетании со словом *deʻŋ* (собирательное значение ‘двое’) – 4; как составная часть определения – 5.

Далее будут приведены только статистические данные с краткими примерами, так как функции числительных в основном повторяются.

Числительное *doʻŋ* ‘три’ употребляется в предложениях 9 раз: указание точной количественной характеристики – 2: *doŋ bis ʻnimin* ‘три брата’, *doŋ siŋŋ* ‘три года’; в словосочетании со словом *deʻŋ* (собирательное значение ‘трое’) – 1: *doŋ deŋ*; в составе устойчивого сочетания *tam in toq, doŋ toq bi:levet* ‘два шага ли, три шага сделал’ – 3; как составная часть определения – 3: *doŋ siŋŋ qo:jə* ‘трехгодовалый медведь’.

Числительное *siŋŋ* ‘четыре’ встречается в 9 предложениях: указание точной количественной характеристики — 4: *sʲe:k ta:n* ‘четыре пальца’, *siŋŋ sʲiŋŋ* ‘четыре года’; в словосочетании со словом *deʻŋ* (собирательное значение ‘четверо’) – 1: *sʲe:g deŋ*; как составная часть определения – 3: *siŋŋ siŋŋ qo:jə* ‘четырёхгодовалый медведь’; *sʲe:ktayŋ*

‘четырепалаая’; в составе сложного субстантивированного сочетания – 1: *sek-tay-antu:-s'a* (4-палец-PL-ATTR-NMZ) ‘четырепалаая’.

Для числительного *qāk* ‘пять’ отмечено 5 случаев употребления: указание точной количественной характеристики – 2: *qaq bis 'nimin* ‘пять братьев’; *qa:q ta:n* ‘пять пальцев’; как составная часть определения – 2: *qaq s'ik* ‘пятигодовалый медведь’; в составе сложного субстантивированного сочетания – 1: *qa:q toy-on tu:-s'a* (5 палец-PL ATTR-NMZ) ‘пятипалаая’.

Числительное *ā* ‘шесть’ встречается три раза только в кумулятивном контексте: *ʔas'ik qoj / ʔass'ik qo:jə / as'ek qojə* ‘шестигодовалый медведь’.

Числительное *o'n* ‘семь’ употребляется в двух предложениях в составе одного и того же определения *on og 'den tln* ‘котел с семью ушками’, пример (11):

(11) *kas'titimin ba:m, on og 'den tandiŋa deestittan, qonoqs'i ka:n ta:ne kas'kiul'tin.*

<i>kas-tit-in-em-in</i>	<i>báam</i>	<i>o'n</i>	<i>okde-n</i>	<i>ti'n-diŋal</i>
взять-3.F.OBJ-PST-STEM-PL	старуха	семь	ухо-PL	котел-DAT.INAN

<i>d-e-ēs-tit-a-in</i>	<i>qonoks</i>	<i>kān</i>	<i>tān</i>
3.SBJ-EP-вверх-3.F.OBJ-класть-PL	утром	заря	по.направлению.к

Взяли они старуху, в (большой) котел с семью ушками ее положили и в направлении к утренней заре качать стали. (Начальники войска жили. Курейка, 1959)

Как и для селькупов, число семь является для кетов священным, а числительное *o'n* ‘семь’ имеет значение великого множества, бесконечности, полноты, мировой гармонии, а также превосходной степени чего бы то ни было (Кзакевич, 2005: 390). В предложении (11) речь идет о котле с семью ушками, в который положили человека, т. е. имеется в виду очень большой котел, что информант подчеркнул, добавив при переводе на русский слово «большой», которое отсутствует в кетском оригинальном предложении.

В конце статьи хотелось бы отметить сакральное значение числительных.

Четные числительные связаны с нечистой силой: *in 'itaŋ* – ‘двузубая’ (Кайгусь); *sektayantu:s'a* ‘четырепалаая’ (Колбасам); *ʔas'ik qoj* ‘шестигодовалый медведь’ (в сказке борется с бабушкой главной героини).

Нечетные числительные тесно связаны с мировоззрением кетов, их космогоническими представлениями и их обычаями. Ниже приведены лишь некоторые примеры, связанные с числительными *три* и *семь*.

Мир в представлении кетов состоит из *трех* частей – высшего мира, который имеет *семь* слоев; среднего мира, омываемого *семью* морями; нижнего мира, который состоит из *семи* подземных пещер (Werner, 2006: 25).

В представлении кетов человек имеет *семь* душ, одна из них – главная (Werner, 2006: 34, 46–47). Понятным становится пример (11), где *on og 'den tln* ‘котел с семью ушками’ символизирует семь душ человека. После качания в таком котле умершая старуха не только ожила, но и стала моложе.

Часто нечетные числительные фигурируют в ритуалах, например, женитьбы: на *третьей* встрече родственники невесты дают согласие на брак, после свадьбы невеста *три* дня должна жить в чуме у своих родителей (Werner, 2006: 89–91).

В качестве выводов хотелось бы обратить внимание на следующие моменты. То, что количественные числительные от 1 до 7 довольно часто встречаются в текстах, определяется нуждами носителей языка, их культурными и космогоническими представлениями о мире. Носитель языка настолько владеет счетной системой на родном языке, насколько у него есть в этом необходимость. Енисейская система числительных, изначально пятеричная, в кетском развилась десятичную, в которой встречаются рудименты семеричной системы.

Список сокращений

3 – третье лицо, ABL – исходный падеж, ADSS – местно-личный падеж, AN – одушевленный, ATTR – атрибутивный суффикс, DAT – дательный падеж, EP – эпентетический гласный/согласный, F – женский род, INAN – неодушевленный, M – мужской род, NMZ – номинализатор, OBJ – объект, PART – частица, PL – мн. число, POSS – possessiv, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, SBJ – субъект, STEM – основа, VOC – звательный падеж.

Список литературы

- Быконя В. В. Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998. 261 с.
- Главан А. А. Имя числительное в диалектах хантыйского языка (сопоставительный аспект): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 175 с.
- Главан А. А., Быконя В. В. Происхождение числительного «один» и его функционирование в хантыйских диалектах // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 9 (60). С. 52–56.
- Казакевич О. А. Две женщины, семь теснин и тридцать воинов (О выражении количественности в фольклорных текстах северных селькупов) // Логический анализ языка. Количественный аспект языка. М.: Изд-во «Индрик», 2005. С. 384–399.
- Колбышева Ю. В. Система числительных нганасанского языка в сопоставлении с селькупским языком: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 177 с.
- Крюкова Е. А. Сравнительный анализ системы количественных числительных в кетском и селькупском языках // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 3 (131). С. 92–98.
- Старикова Г. Н. Современные числительные в аспекте языковой динамики // Вестн. Томского гос. ун-та (Tomsk State University Bulletin). 2011. Вып. 4 (16). С. 34–40.
- Werner H. Die Welt de Jenissejer im Lichte des Wortschatzes. Wiesbaden, 2006. 200 S.
- Werner H. Zur Typologie der jenissejischen Protokultur. Lincom Europa, 2010. 176 S.

Крюкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 10.07.2014.

Kryukova E. A.

THE NUMBERS PEOPLE PLAY WITH: NUMERALS IN THE CONTEXT OF VERBAL CREATIVITY OF THE KETS

Not only in modern research on indigenous languages, but also in the national languages with centuries-old traditions until recently there are contradictory opinions on formation of the numeral class into a content word. A wide diversity and variety of forms is noticed, deviations from the inflections are noticed. Besides, in understudied languages a variety of forms for the same numerals beyond the limit of the first ten is observed.

The article is devoted to the functions, which cardinal numerals from 1 through 7 take in folklore and household texts and how the numerals are objectified in linguistic world-image of the Kets.

Material of the Ket folklore and household texts corpus, consisting of 30 texts (about 1100 sentences) served as a basis for this research.

The numerals' etymology is not covered by the report (see Werner, 2006 as per etymology).

The numerals from 1 through 7 can be noticed in the Ket texts very often: qoʔk (AN) / qūsi (INAN) 'one' – 15 cases of use; ĩn 'two' – 15 cases of use; doʔŋ 'tree' – 9 cases of use; sĭk 'four' – 9 cases of use; qāk 'five' – 5 cases of use; ā 'six' – 3 cases of use; oʔn 'seven' – 2 cases of use.

Besides reflecting the exact quantitative characteristic, the numerals perform some other functions: the numeral qoʔk (AN) / qūsi (INAN) 'one' is used as an indefinite article; ĩn 'two' and doʔŋ 'three' can be noticed in word combinations with the word deʔŋ 'people' and acquire a cumulative meaning 'twain', 'threesome'; sĭk 'four' and qāk 'five' can be observed in a complex substantivized combination. All the numerals can be a part of an attribute. There is a cumulative context consisting of 6 elements in one text.

The even numerals have a connection with evil spirits: ĩn'itaŋ – 'two-teeth' (Kajgus); sektayantu:sĭa 'four-fingered' (Kolbasam); ʔasĭk qoj 'six year old bear' (in the fairy tale it struggles with the main character's grandmother).

The odd numerals are closely connected with the world-view of the Kets, their cosmogonical ideas and their customs.

The world, according to visualization of the Kets consists of three parts – the upper world, consisting of seven layers; the middle world, washed by seven seas; the lower world, which consists of seven subsoil caves.

According to the Ket's beliefs a man has seven souls, one of them is the main.

The odd numerals can often be noticed in rituals, e.g. marriage: during the third meeting, the fiancée's relatives agree to the marriage, after the marriage, the bride should live at her parent's tent for three days.

The fact that the cardinal numerals from 1 through 7 can be found in the texts often, is defined by the needs of the language speakers, their cultural and cosmogonic concepts of the world.

Key words: *the Ket language, cardinal numerals 1 through 7, functioning of the numerals in folklore texts, sacral meaning of numbers.*

References

- Bykonya V. V. *Imja chislitel'noe v kartine mira sel'kupov* [The numeral in Selkup's world-view]. Tomsk, 1998. 261 p. (In Russian).
- Glavan A. A. *Imja chislitel'noe v dialektah hantyjskogo jazyka (sopostavitel'nyj aspekt)* [The numeral in Khanty dialects (comparative aspect)]. Dis. ... cand. filol. sci. Tomsk, 2006. 175 p. (In Russian).
- Glavan A. A., Bykonja V. V. Proishozhdenie chislitel'nogo "odin" i ego funkcionirovanie v hantyjskikh dialektah [The origin of the numeral "One" and its functioning in the Khanty language dialects]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 9 (60), pp. 52–56 (In Russian).
- Kazakevich O. A. Dve zhenshiny, sem' tesnin i tridcat' voinov [Two women, seven narrows and thirty warriors]. *Logicheskij analiz jazyka. Kvantitativnyj aspekt jazyka* [Logical analysis of language. Quantitative aspect of language]. Moscow, Indrik Publ., 2005. Pp. 384–399 (In Russian).
- Kolbysheva Ju. V. *Sistema chislitel'nyh nganasanskogo jazyka v sopostavlenii s sel'kupskim jazykom* [The Nganasan language numerals system compared to the Selkup language]. Dis. ... cand. philol. sci. Tomsk, 2003. 177 p. (In Russian).
- Kryukova E. A. Sravnitel'nyj analiz sistemy kolichestvennyh chislitel'nyh v ketskom i sel'kupskom jazykah [Comparative analysis of numeral systems in Ket and Selkup]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 3 (131), pp. 92–98 (In Russian).
- Starikova G. N. Sovremennye chislitel'nye v jazykovom aspekte [Modern numerals in the language dynamics aspect]. *Tomsk State University Bulletin*, 2011, vol. 4 (16), pp. 34–40 (In Russian).
- Werner H. *Die Welt de Jenissejer im Lichte des Wortschatzes*. Wiesbaden, 2006. 200 p.
- Werner H. *Zur Typologie der jenissejischen Protokultur*. Lincom Europa, 2010. 176 p.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

Кобенко Ю. В.

ТЕНДЕНЦИИ К ДИАМОРФИЗМУ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Дается описание зоны рекуррентного диаморфизма в современном немецком языке с учетом актуальных тенденций в его системе и немецкой литературной речи. В центре внимания находятся симптоматические явления диаморфизма, свидетельствующие об экзогlossном функционировании указанного языка. Методика определения диаморфных явлений предполагает выделение индекса экзогlossности в определенных лексико-семантических группах лексической системы современного немецкого языка и плотности лексической и грамматической инвазивности в текстах немецкой литературной речи.

Ключевые слова: диаморфизм, ресурсная гетерогенность, изоморфизм, современный немецкий язык, индекс экзогlossности, плотность лексической и грамматической инвазивности.

В широком смысле диаморфизм можно определить как потерю языком генетического единообразия, т. е. монолингвальности идиома. Современный немецкий язык, обладающий такой характеристикой, как ресурсная гетерогенность (полигlossия), содержит пласты гетеролингвальных средств, функционирующих синхронно в немецкой литературной речи в качестве дигlossических вариантов с различным стилистическим номиналом, к примеру: *posten – veröffentlichen, Coverstory – Titelgeschichte*. Заимствование англоязычных лексических единиц в состав современного немецкого языка связано синхронно, с одной стороны, с функцией посредничества языка-донора – стандартного американско-британского английского (Кобенко, 2011: 20), а с другой стороны, с популярностью и престижностью англоязычной лексики вообще, что принято считать определенной макротенденцией в картине языковых ситуаций всех современных европейских языков.

Применительно к дигlossии образца «немецкий vs. (американский) английский», являющейся симптомом экзогlossной языковой ситуации в ФРГ с 1945 г., тенденцию к диаморфизму можно характеризовать как предпочтение носителями гетерогенного (англоязычного) варианта автохтонному (Снисар, Кобенко, 2011: 26), выражающееся в высокой степени цитируемости *престижного языка-донора в речи носителей языка-реципиента*. Необходимо отметить, что степень цитируемости языка-донора эквивалентна, во-первых, степени пермиссивности системы языка-реципиента в определенной экзогlossной языковой ситуации, во-вторых, степени лояльности носителей к языку-донору и, в-третьих, престижности языка-донора в языковом коллективе носителей языка-реципиента. Среди наиболее эксплицитных симптомов повышенной цитируемости языка-донора в литературной немецкой речи следует назвать следующие:

– предпочтение в речи из двух вариантов – автохтонного и импортируемого – неизменно последнего, например: «*jeder vierte Bundespolizist leidet an **Burnout***» (нем.: *каждый четвертый сотрудник МВД морально и физически истощен, страдает синдромом «профессионального выгорания»*) вместо «*jeder vierte Bundespolizist ist **ausgebrannt***». (Spiegel. Jeder vierte Bundespolizist leidet an Burnout.);

– «жадность до чужого» по Й. Г. Шоттелю («*Fremdgierigkeit*»), выражающаяся в увлечении всем иноязычным (экзоглоссным), к примеру: «*Solange man sich innerhalb der unsäglichen «Visitenkarten-im-Netz»-Metapher oder der «Ihr-Firmenprospekt-für-drei-Mark-fünfundzwanzig-weltweit-abrufbar»-Metapher bewegt, wird man kaum bemerken, was man mit wohldröhnendem Broschürenjargon anrichtet – **business als usual**, sozusagen*». (KommDesign.de. Wir ohne Sie: Warum PR-Phrasen schlecht sind.);

– злоупотребление заимствованным материалом вплоть до образования новых единиц или новых значений, как минимум непонятных носителям языка-донора (псевдо-заимствования), ср. единицы «*Rollout*» (англо-нем.: *выезд, появление на публике, экспонирование*) и «*toppen*» в расширенном значении <опережать>: «*Mercedes-Rollout: Mattsilbern in Valencia*» (Spiegel. Formel 1: Mercedes verpflichtet Heidfeld als Testfahrer); «*Schumacher toppt Rosenberg*» (Spiegel. Schumacher toppt Rosenberg).

В узком смысле диаморфизм противопоставлен изоморфизму и манифестируется в преобладании иноязычных над собственными средствами немецкого языка в отдельных лексико-семантических группах (ЛСГ) или дискурсах. Тенденции к диаморфизму в современном немецком языке в условиях инвазивного заимствования англо-американской лексики определяются путем выведения индекса экзоглоссности, эксплицирующего степень подверженности подсистем конкретного интралингвистического подуровня современного немецкого языка влиянию языка-донора и равному частному общему количеству единиц подуровня ($\{x\}$ подуровень) и числа зафиксированных англо-американских заимствований ($\{x\}$ АА):

$$I_{\text{экз}} = \frac{\{x\} \text{ подуровень}}{\{x\} \text{ АА}}.$$

За общее количество единиц принималось совокупное число лемм, зафиксированных в нескольких лексикографических изданиях репрезентативной выборки, изданных в исследуемый период, без учета симптоматической статистики. Для анализа состава лексико-семантической группы «лексика виноградарей и виноделия» были привлечены четыре толковых немецкоязычных онлайн- и электронных словаря с общим лексическим охватом 12 520 единиц: 1) «*Winzer-Lexikon*» (2003); 2) «*Weinsprache*» (2003); 3) «*Wörterbuch der deutschen Winzersprache (WDW) Online-Wörterbuch 4.0*» (2009); 4) «*PC Bibliothek Benutzerwörterbuch der Weinsprache*» (1993–2009). Повторяющиеся леммы принимались за одну единицу. Число зафиксированных англоамериканизмов в корпусе привлеченных лексикографических изданий равно 24. Таким образом, индекс экзоглоссности лексико-семантической группы «лексика виноградарей и виноделия» в немецком словарном фонде составляет

$$I_{\text{экз}} (\text{Winzer- / Weinsprache}) = 24 / 12520 = \underline{\underline{0,001}}.$$

Аналогичным образом был рассчитан индекс экзоглоссности лексико-семантических групп «медицинская лексика» (0,024) и «лексика сети Internet» (0,635) немецкого словарного состава. Индекс экзоглоссности ниже 0,5 свидетельствует о незначитель-

ной инфильтрации англоязычного материала и, следовательно, об изоморфном функционировании подуровня. Индекс выше 0,5 эксплицирует тенденцию к диаморфизму в определенной лексической сфере. Таким образом, наиболее подверженной экзоглоссии лексической сферой современного немецкого языка является периферийная (*Fremdwortschatz*) с установленной тенденцией к диаморфизму в ЛСГ «лексика сети Internet» с индексом экзоглоссности 0,635. Менее подверженной выступает дополнительная лексическая сфера (*Lehnwortschatz*), представленная ассимилированным составом в ЛСГ «медицинская лексика» (0,024). Минимальный индекс экзоглоссности зафиксирован в ЛСГ «лексика виноградарей и виноделая» базисной лексической сферы (*Erbwortschatz*) – 0,001 (табл. 1).

Таблица 1

Степень действия тенденций к диаморфизму в лексической системе современного немецкого языка

Сфера	ЛСГ	$I_{\text{экз}}$
Периферийная	Лексика сети Internet	0,635
Дополнительная	Медицинская лексика	0,024
Базисная	Лексика виноградарей и виноделая	0,001

Выделение индекса экзоглоссности строится на общем методологическом фундаменте теории экзоглоссии (Снисар, Кобенко, 2011: 25), позволяющем описывать сложные процессы в диасистемах литературных языков в статусе компонентов экзоглоссных языковых ситуаций.

Аспектами анализа диасистемы немецкого литературного языка с 1945 г. выступают 1) диафазный, 2) диастратический и 3) диафункциональный аспекты, соответствующие лингвистической специализации теории экзоглоссии. Данные аспекты соответствуют экстра- и интралингвистическим уровням диасистемы. Экстралингвистическими считаются диафазный (исторический) и диафункциональный (социолингвистический) аспекты, интралингвистическим является диастратический (структурно-системный) аспект предлагаемой теории.

С точки зрения разделения аспектов на диа- и синхронные, синхронным выступает диастратический, диахронным, напротив, диафазный аспект. Диафункциональный аспект анализа диасистемы языковой ситуации, предполагающий выявление характера функционирования всех подсистем отдельного компонента языковой ситуации или совокупности всех ее компонентов, имеет и синхронную, и диахронную зависимость.

1. *Диафазный* (исторический) аспект объективирует определенный отрезок диахронии, в котором установлена тенденция к экзо- или эндоглоссии. Ключевым термином данного уровня является «*диафаза*» как языковая ситуация в истории литературного языка, соответствующая продолжительности фазы экзо- или эндоглоссии. Диафазный анализ предполагает выделение релевантного метаглоссного, т. е. вектора языкового развития, установление типа и источника заимствования, выделение хронотопа заимствованных единиц или страт лексики, их социальную маркировку в языке-реципиенте, тематических сфер, путей распространения, периодов, каналов и основных социальных групп – посредников тенденции.

2. *Диастратический* (структурный) аспект охватывает все интралингвистические подуровни языка, т. е. строение (собственную структуру) языка, под которым понимается совокупность иерархических форм, в которых язык проявляется на определенном этапе своего развития. Диастратические особенности системы немецкого литературного языка ФРГ периода американизации предполагают изучение вопросов, связанных с его стратификационным наполнением. Диастратический анализ предполагает анализ подсистем, целью которого является определение индекса экзогlossenности и, следовательно, глубины изменений (степень диаморфизма).

Лексически наиболее инвазивными выступают тексты стиля публицистики и прессы и разговорно-обиходного стиля с индексами соответственно 0,663 и 0,685. Плотность лексической инвазивности на страницу немецкого текста равна 2,647, грамматической – 0,022. Наибольшая грамматическая инвазивность зафиксирована в текстах научного (0,028) и официально-делового стилей (0,038) немецкой литературной речи (табл. 2).

Плотность грамматической инвазивности индексируется коэффициентом 0,022, что равно одной англоязычной грамматической конструкции приблизительно на 46 страниц немецкого текста. Грамматически наиболее инвазивными выступают тексты научного (0,028) и официально-делового стилей (0,038), что, на наш взгляд, обусловлено большей интернационализацией данных стилей и их тесной связью с практикой перевода. В научной сфере соблюдение таких критериев продукта перевода, как адекватность и эквивалентность, продиктовано необходимостью равнозначной реализации коммуникативного намерения автора англоязычного научного текста, что побуждает переводчиков к дословному и нередко натуралистическому переводу грамматических конструкций. В профессионально-деловой среде адекватный и эквивалентный перевод сопряжен с юридическими последствиями для всех участников коммуникации, которые могут быть представителями разных культур, поэтому здесь в большей степени допускается заимствование грамматических конструкций с целью нивелировки грамматических трудностей и во избежание разночтений.

Таблица 2

Плотность лексической и грамматической инвазивности в текстах немецкой литературной речи

Стиль	Кол-во страниц	Кол-во АА	Коэффициент лексической инвазивности	Кол-во грамматических конструкций	Коэффициент грамматической инвазивности
<i>Художественный</i>	3 563	742	0,208	49	0,013
<i>Научный</i>	2 190	771	0,352	63	0,028
<i>Публицистики и прессы</i>	4 487	2 976	0,663	98	0,021
<i>Официально-деловой</i>	1 089	109	0,1	42	0,038
<i>Разговорно-обиходный</i>	3 816	2 614	0,685	74	0,012
<i>Итого / в среднем</i>	15 145	7 212	0,401	326	0,022

Как эксплицировано в табл. 2, выведение симптоматической статистики предполагало преодоление равномерности в количественной интерпретации данных. Так, количество проанализированных страниц немецких литературных текстов в определенных

функционально-стилистических разновидностях с зафиксированными диаморфными явлениями приводится исходя из общего корпуса текстов общим объемом 15 145 условных страниц, что составляет в среднем более двух заимствованных единиц англоязычного происхождения на страницу текста (2,647). Выделенные явления, безусловно, характеризуются неравномерностью в немецкой литературной речи, что обусловило отхождение от традиционных количественных рамок определения симптоматической статистики. Необходимо подчеркнуть, что преодоление равномерности в указанном подходе несколько не отразилось на самом коэффициенте экзоглосности.

Вышесказанное позволяет резюмировать, что степень диаморфизма в контексте англоязычной экзоглоссии повышается к периферийной сфере лексико-семантической системы современного немецкого языка, которая (сфера) является традиционно наиболее кумулятивной и открытой для языковых инноваций. В немецкой литературной речи диаморфизм эксплицируется в функционально-стилистических разновидностях, наименьшим образом защищенных от заимствования в силу слабого действия кодификационных предписаний.

Список литературы

Кобенко Ю. В. Стандартный американско-британский английский как язык современной глобализации // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 9 (111). С. 20–23.

Снисар А. Ю., Кобенко Ю. В. Лингвистические рамки и инструментарий теории экзоглоссии // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 9 (111). С. 24–27.

Кобенко Ю. В., доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: serpentis@list.ru

Материал поступил в редакцию 30.06.2014.

Kobenko Yu. V.

DIAMORPHISM TENDENCIES IN THE CONTEMPORARY GERMAN

In a wide sense diamorphism can be determined as a losing genetic uniformity by a language i.e. monolingualism of its idiom. Being a heterogeneous (polyglossic) language due to its resources the contemporary German contains layers of heterolingual means functioning in the German literary speech synchronously as diglossic variants of stylistically different values, eg.: *posten – veröffentlichen*, *Coverstory – Titelgeschichte*. Concerning the diglossy of the type „German vs. (American) English“ resulting from the exoglossic language situation in Germany since 1945 the diamorphism tendency can be characterized as a preferring heterogeneous (English) variants to autochthonous ones by speakers.

In a narrow sense diamorphism is opposite to isomorphism and is manifested in prevailing of foreign resources over German ones in separate lexical-semantic groups or discourses. Diamorphism tendencies in contemporary German within an invasive

borrowing of Anglo-Americanisms are detected by deriving the exoglossic index that explicates a grade of a certain intralinguistic sublevel's subsystems to be susceptible to the influence of a donor language and is a quotient of the total of a sublevel means ($\{x\}$ underlevel) and the quantity of Anglo-American borrowings detected ($\{x\}AA$):

$$I_{\text{экз}} = \frac{\{x\} \text{ подуровень}}{\{x\} AA}.$$

The exoglossic index under 0,5 displays an inconspicuous infiltration of Anglophonic material and isomorphic functioning of a sublevel. A figure above 0,5 explicates a diamorphism tendency in a certain lexical sphere.

Key words: *diamorphism, resource heterogeneity, isomorphism, contemporary German, exoglossic index, density of lexical and grammatical invasiveness.*

References

- Kobenko Yu. V. Standartny amerikano-britanskiy angliyskiy kak yazyk sovremennoy globalizatsii [Standard British-American English as language of the modern globalization]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 9 (111), pp. 20–23 (in Russian).
- Snisar A. Yu., Kobenko Yu. V. Lingvisticheskiye ramki i instrumentariy teorii exoglossii [Linguistic framework and apparatus of exoglossic theory]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 9 (111), pp. 24–27 (in Russian).

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: serpentis@list.ru

Моисеева Е. Ю.

ЯВЛЕНИЕ МОТИВАЦИИ СЛОВ В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

Приводится анализ результатов, полученных в ходе психолингвистического эксперимента. Материалом для исследования послужила фитонимическая лексика русского языка. Целью эксперимента являлся анализ развития наименований лекарственных растений в мотивологическом ключе. Для проведения эксперимента было отобрано 23 фитонима. В ходе анализа было установлено, что 12 фитонимов подверглись динамическим изменениям в сильной степени, 11 фитонимов не проявили значительных черт динамических изменений.

Ключевые слова: *мотивация, мотивология, мотивировочный признак, номинационный признак, мотивационный признак, фитоним, ремотивация, демотивация, лексикализация, внутренняя форма слова.*

Мотивация слов и мотивированность языкового знака интересовали лингвистов достаточно давно. Среди ранних и наиболее известных работ, посвященных данной проблематике, следует перечислить работы Платона («идея образа» и «идея имени»), А. А. Потебни («внутренняя форма слова»), Ф. де Соссюра («произвольность» и «мотивированность» знака) и Ш. Балли (постоянная потребность носителей языка в ассоциировании слов). Возросший в XIX–XX вв. интерес к проблеме мотивированности знака (работы Т. Г. Аркадьевой, Т. В. Гамкрелидзе, В. Г. Гака, М. М. Гинатулина, Н. Д. Голева, В. В. Левицкого, И. С. Топорцева, В. Ченьковского, Д. Н. Шмелева и многих других) приводит к возникновению в лингвистике нового самостоятельного научного направления – мотивологии. В 1974 г. О. И. Блинова дает в своей докторской диссертации «Проблемы диалектной лексикологии» первое полное и систематизированное представление мотивологии как направления, изучающего мотивацию слов, и закладывает основу томской мотивологической школы (Мотивология, 2012; Блинова, 2007; Блинова, 2012).

Одним из принципов современной мотивологии является принцип диахронности, предусматривающий изучение мотивации слов в динамическом аспекте. Как отмечает в своей монографии «Мотивология и ее аспекты» О. И. Блинова, «явление мотивации и ВФС², типы мотивированности слова, актуализация мотивационных связей слова не могут быть до конца поняты и объяснены вне тех языковых тенденций и лексических процессов, итогом и отзвуком которых они являются. Вне динамики языка нельзя определить место и роль явления мотивации в лексико-семантической системе языка» (Блинова, 2007: 196). С точки зрения мотивологического подхода динамика языка раскрывается посредством взаимонаправленного и взаимообусловленного действия двух языковых тенденций: тенденции к мотивированности языкового знака (стремление носителя языка логически связать форму и содержание) и тенденции к произвольности

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-14-70001 а/Т «Этнокультурная специфика наименований объектов растительного и животного мира и ее отражение в самодийских, германских и русском языке».

² Здесь и далее: внутренняя форма слова.

языкового знака (стремление к свободному (произвольному) комбинированию формы и содержания). Первую тенденцию можно проследить на примере таких процессов, как ремотивация, неомотивация и номинация исконными средствами языка. Вторая тенденция находит свое отражение в процессах демотивации и лексикализации ВФС (Блинова, 2007).

Исследование указанных процессов проводится в рамках антропоцентрического подхода, а также с позиций лингвистической прагматики, позволяющих проследить явление мотивации и языковую реализацию коммуникативного поведения носителей языка (Которова, 2013: 58). Наиболее доступным и достоверным средством получения сведений о языке является психолингвистический эксперимент, отражающий метаязыковые знания говорящего (Блинова, 2007). Как отмечает И. В. Тубалова в своей кандидатской диссертации «Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов», «прием психолингвистического эксперимента отличается апелляцией к сознанию носителя языка, цель его – получить результаты осмысления носителем языка элементов своего языка» (Тубалова, 1995: 28).

Изучение фитонимической лексики русского языка в динамическом аспекте проводилось, таким образом, посредством психолингвистического эксперимента, цель которого – проследить развитие наименований лекарственных растений в мотивологическом ключе. Этапами исследования, предваряющими эксперимент, являлись детальный этимологический анализ фитонимической лексики русского языка (травянистые лекарственные растения Сибири) и классификация отобранных фитонимов в зависимости от мотивировочных признаков, послуживших основой их номинации (Моисеева, 2013). Изначально анализу подверглись 73 фитонима, однако материалом для проведения настоящего психолингвистического эксперимента послужили 23 фитонима (наименования дикорастущих травянистых лекарственных растений): *белена, бессмертник, валериана, василек, гвоздика, девясил, донник, дурман, душица, зверобой, иван-чай, клевер, кровохлебка, кувшинка, лебеда, лопух, мать-и-мачеха, папоротник, пижма, подорожник, пустырник, тысячелистник и чистотел*. Выбор именно данных лексем обусловлен ареалом их распространения (Западная и Восточная Сибирь) и известностью для респондентов. В ходе анкетирования респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы думаете, почему данные растения так называются?» В эксперименте приняли участие 54 человека, таким образом, было получено 1242 реакции. Возраст респондентов варьировался от 13 лет до 71 года, среди них 42 женщины и 12 мужчин.

В результате обработки полученных реакций были выделены следующие группы метаязыковых показаний:

1. Показания, актуализирующие мотивационные отношения лексемы с непосредственным указанием мотиваторов, например: «бессмертник – растение от бессмертия // подорожник – растет по краю дороги».

2. Показания, содержащие номинационные признаки лексемы без упоминания ее мотиваторов, например: «василек, иван-чай – от имени человека».

3. Показания, отражающие неуверенность при ответе, с/без указания номинационных и/или мотивационных признаков, сопровождались словами *может быть, не уверен (а), наверно, скорее всего*.

4. Показания, отражающие затруднения при ответе, в эту группу попадают ответы типа *не знаю, затрудняюсь (ответить)*.

5. Показания, указывающие на иноязычное происхождение слова, часто респонденты также отмечали язык- и лексему-источник, например: «валериана – возможно, от латинского корня *valeo* // клевер – вероятно, заимствованное слово, что-то англосаксонское».

6. Ассоциативные показания, например: «душица – есть свойство приправы // иванчай – полезно для печени, почек // гвоздика – гордость, стойкость»; подобные реакции, по-видимому, свидетельствуют о неверном понимании вопроса, поставленного в анкете, что требует совершенствования подобной методики анкетирования в дальнейшем.

7. Показания, содержащие эксплицитную индивидуально-авторскую мотивацию, т. е. респонденты формально сближают созвучные разнокоренные слова, например: «гвоздика – *дикая* роза // девясил – от слова «*вяжет*» // папоротник – им Пап пороли... Римских»; данные реакции единичны и не являются показательными для настоящего исследования, они, скорее, свидетельствуют о вариативности языкового знака, способности языка к развитию новых валентных связей слов.

Дальнейший мотивологический анализ развития фитонимов основывался на количественном распределении реакций между группами метаязыковых показаний. Следует отметить, что не у всех фитонимов был выявлен полный спектр вышеуказанных групп, например: реакции, содержащие указание на иноязычное происхождение слова, были отмечены при анализе только 7 лексем: *белена* (1)³, *валериана* (12), *василек* (2), *гвоздика* (1), *клевер* (8), *папоротник* (1) и *пижма* (3)⁴. Еще ниже число ассоциативных показаний и показаний, содержащих эксплицитную индивидуально-авторскую мотивацию. Таким образом, динамическое развитие фитонимов исследуется в данной статье без учета показаний групп 5–7.

Анализ отобранной фитонимической лексики с учетом показаний групп 1–4 позволяет проследить явление лексической мотивации в динамическом аспекте в обоих его проявлениях. Так, о силе тенденции к мотивированности языкового знака свидетельствует, к примеру, стремление респондентов, несмотря на недостаточность знаний или неполноту представлений о внешнем виде и/или свойствах растения, логически объяснить его название, т. е. связать форму и содержание языкового знака. Многие респонденты проявляют при этом достаточную уверенность. Такое стремление мотивировать, а точнее, ремотивировать лексемы особенно четко можно проследить на примере таких лексем, как *белена*, *донник* и *звербой*.

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, лексема *белена* (др.-рус. *белень* ‘греза’) восходит к корню ие. **bhel-* ‘говорить, кричать’, т. е. изна-

³ Здесь и далее в круглых скобках указывается число реакций.

⁴ Примечательно, что в более чем половине случаев показания метаязыкового сознания носителей языка совпадают с фактической этимологией лексемы: фитонимы *клевер*, *пижма*, *валериана* и *василек* действительно являются заимствованиями, фитоним *гвоздика* является калькой свн. *pedelkín*, фитонимы *белена* и *папоротник* индоевропейского и старославянского происхождения соответственно (Моисеева, 2013).

чальным мотивировочным признаком при номинации данного растения послужило его свойство вызывать галлюцинации и бред (Фасмер 2009: 147). Полученные метатексты, однако, свидетельствуют о полной ремотивации данной лексемы, в первую очередь на уровне мотивационного признака, а в большинстве случаев и на уровне номинационного признака. Респонденты отмечают в качестве лексических мотиваторов прилагательное *белый* и глагол *бледнеть*: «цветок белый // испускает белый сок // цветет белым цветом // красит в белый цвет // каким-то образом связано с белым цветом, возможно, цветет белым цветом», «после употребления бледнеет цвет кожи // придает коже бледность, от слова белить» (44). Только 4 реакции содержат в качестве номинационного признака галлюциногенное свойство белены: «вызывает помутнение сознания // затуманивает рассудок // это как белая горячка», в остальных подчеркиваются цвет растения или его частей (35), ядовитость (8), отбеливающие свойства (6), запах растения (2) и способность вызывать бешенство (1).

Фитоним *донник* представляет собой наиболее яркий пример ремотивированной лексемы. Мотивировочным признаком, послужившим основой номинации лексемы, стали лекарственные свойства данного растения. Являясь дериватом лексемы др.-рус. *дьна, дна* ‘ломота в суставах’, восходящей к ст.-слав. *дьна* ‘подагра’ (от **dbno* ‘внутренняя болезнь’), лексема *донник* указывает на применение данного растения в народной медицине для лечения внутренних болезней (болей) (Моисеева, 2013). При обращении к метатекстам становится ясно, что мотивация лексемы была полностью переосмыслена носителями языка. Незнание ареала распространения⁵ и свойств растения приводит к сближению и в дальнейшем отождествлению фитонима *донник* со сходными по внешней форме лексемами *дно* и *Дон*: «под водой, на дне // растет на дне пруда или водоема // с дном связано // от слова дно» (33), «первоначально рос на Дону // произрастает на Дону» (4). В качестве актуализируемых номинационных признаков выступают место произрастания: «растет в низинах, в низменностях // в низине, ближе к болоту // придонный, растет по берегам, речной // находят там, где дно оголяется // растет в темных местах // растет в низине, в ямах» (34), и высота растения: «стелется по земле // может быть, это очень низкое растение» (2). Следует также отметить, что данная лексема прошла стадию лексикализации ВФС, так как только 3 реакции отражают неуверенность респондентов в выборе мотивировочного признака: «от слова Дон, может, на реке Дон широко распространен // может быть, растет в низинах, на дне».

Фитоним *зверобой* подвергся процессу ремотивации достаточно давно. Современная форма данной лексемы является результатом произошедшей ранее лексической ремотивации с изменением звуковой оболочки слова. Проколотая, как бы продырявленная, форма листа зверобоя послужила номинационным признаком при образовании фитонима, в качестве мотиваторов выступили лексемы **дира* и *бой* (Моисеева, 2013). Негативное действие зверобоя на животных, способность растения сохранять свои токсичные свойства даже в сене (Гаммерман, 1983) привели к переосмыслению лексемы и отождествлению в языковом сознании ее первого компонента со словом *зверь*.

⁵ Донник произрастает на сухих лугах и травянистых склонах (БС, БАП, 2005: 259).

Полученные в ходе проведенного эксперимента метатексты демонстрируют выделение в современном языковом сознании двух лексических мотиваторов: *зверь* и *бой*, причем второй часто актуализируется в метатекстах опосредованно, например: «способен сломить некоторых зверей // ядовитый для зверей // валит с ног зверя // звери им травятся». Несмотря на то, что большинство респондентов по-прежнему отмечают в качестве номинационного признака негативное влияние зверобоя (чаще ядовитость, также отпугивающие свойства, смертельность)⁶, следует отметить тенденцию к дальнейшей ремотивации путем метафорического переноса значения мотиваторов или выделения в качестве номинационных признаков других свойств растения. Так, некоторые респонденты отмечают лечебные свойства зверобоя как для человека, так и для животных, например: «растения, которыми первоначально лечили зверей // охотничья трава, звериная трава, ей лечатся звери // от всех болезней в одном // полезная, боюсь предположить... может, лечит так, подобно тому, как зверь дрался бы с болезнью» (9). Мотиватор *зверь* также воспринимается метафорически и отождествляется с болезнью, например: «бой зверю, т. е. болезни» (3); некоторые респонденты указывают вкус в качестве номинационного признака: «горечь // яркий, терпкий» (3) и ссылаются на предназначение растения (2).

Кроме того, фитоним проявляет, согласно полученным результатам, черты лексикализации ВФС, вызванной неосведомленностью респондентов о свойствах растения. Многие выделяют компоненты ЗВЕР и БОЙ (ВФС ЗВЕР/о/БОЙ), но затрудняются или проявляют неуверенность при объяснении: «не знаю, наверно, применялся на бойнях, только разве что зверей убивает, нет, это не надо писать! // видимо, назван так, потому что скотина его не ест // возможно, убивает внутреннего «зверя» // бой зверей? // может быть, когда большие группы охотников уходили далеко от дома, то находили эту траву, чтобы убить много зверей» (12).

Еще одним проявлением тенденции к мотивированности языкового знака является неомотивация, т. е. создание в языке слов-параллелей к мотивированным и немотивированным словам (Блинова, 2007). В отобранной фитонимической лексике случаев неомотивации, однако, отмечено не было. Данному лексическому процессу следует, таким образом, посвятить отдельное исследование, предполагающее, например, изучение народных и научных наименований лекарственных растений.

Явление лексической номинации как одно из проявлений тенденции к мотивированности языкового знака можно также проследить в полученных метатекстах. Довольно часто респонденты не употребляют в своих высказываниях непосредственно мотиваты, а указывают номинационные признаки, обусловившие, по их мнению, возникновение названия. В некоторых случаях эти номинационные признаки совпадают с мотивационными и выражаются непосредственно, однако отмечены случаи, когда респонденты, скорее, называют номинационный признак опосредованно, например, при объяснении фитонимов *бессмертник*, *мать-и-мачеха* и *душица*.

Происхождение фитонима *бессмертник* большинство респондентов объясняют без использования мотиваторов, например: «долго не вянет // долго живет // цветы этого растения не увядают // улучшает здоровье, увеличивает продолжительность жизни //

⁶ Респонденты, в частности, ссылаются на ядовитость для животных (28), для человека (1) или не уточняют (1).

устойчив к резким климатическим условиям // потому что цветок не высыхает и не опадает»⁷ (39), и только около одной трети опрошенных актуализируют в своих ответах мотиваторы *смерть, бессмертие, бессмертный, умирать*: «от слова смерть // растение от бессмертия // потому что бессмертный // сухой цветок, никогда не умирает, а только засыхает» (14).

При объяснении происхождения фитонима *мать-и-мачеха* более половины респондентов ссылаются на различные номинационные признаки (двойственность, форма листа, форма цветка, лекарственные свойства) без упоминания мотиваторов (32) и около трети упоминают в своих высказываниях мотиваторы *мать, мачеха*, например: «две противоположности, от родного к неродному // одна сторона листа гладкая, приятная на ощупь, а другая – холодная» и «его [растения] листья с одной стороны гладкие, с другой стороны колючие, как мать и мачеха» (14). Таким образом, следует сделать вывод, что очевидность структуры фитонима побуждает респондентов, скорее, отступить при объяснении от повторения его компонентов и выделить именно номинационный признак лексемы.

В случае с фитонимом *душица* число реакций, содержащих номинационный признак запах опосредованно, например: «пахнет вкусно // ароматное растение // имеет явный запах и аромат» (28), и реакций, в которых реализованы мотиваты, например: «от душистый, т. е. у растения очень терпкий аромат // обладает душистым ароматом // пахучая, от слова дух, т. е. запах» (25), практически равно. Во втором случае респонденты часто актуализируют параллельно и номинационный признак, как бы поясняя свое высказывание. Первостепенность номинационного признака вызвана просторечной сферой употребления (ТС 2007) и низкой частотностью мотиватора *дух* ‘запах’, что также подтверждается стремлением респондентов дублировать мотиватор опосредованно, дополнительно объяснить его.

Опосредованное название номинационного признака может затрагивать не только лексему целиком, но и один из ее компонентов. Причинами являются как очевидность компонента для респондента, так и стремление к его метафорическому объяснению. В качестве примеров можно привести фитонимы *иван-чай* и *зверобой*. Второй компонент фитонима *иван-чай* ЧАЙ не упоминается только в 5 реакциях, в 4 он указывается опосредованно: «в честь Ивана, можно использовать для приготовления напитка // вероятно, какой-то Иван использовал сей сорняк в качестве заварки», в остальных метатекстах он реализуется непосредственно: «чай от Ивана // Иван пьет чай из этой травы».

Наибольший интерес представляет мотивировка респондентами первого компонента фитонима ИВАН. Ровно половина респондентов упоминает этот компонент непосредственно, отождествляя его с именем собственным, о чем свидетельствует написание с заглавной буквы (27), некоторые респонденты не актуализируют в своих объяснениях данный компонент: «растет в лесу для чая // цветы этого растения добавляют в чай» (9). Остальные предлагают различные номинационные признаки (20). Общей

⁷ Изначальный мотивировочный признак лексемы *бессмертник* «неувядаемость» присутствует только в 8 реакциях, в основном респонденты ссылаются на длительность роста / цветения (12). Также при более детальном анализе метатекстов выяснилось, что некоторые респонденты склонны осуществлять метафорический перенос при объяснении и полагают, что в основу названия легло свойство растения продлить жизнь / давать бессмертие (8).

чертой таких метатекстов является метафоризация компонента ИВАН⁸. Так, ИВАН трактуется как русский/свой (5), народный/крестьянский (5), мужской (3), божественный (2), друг (1), полезный (1), например: «чай для русских // чай для Ивана, употреблялся в народе как чай // напиток для мужчин, мужская трава // Иван – милость божья, чай, посланный Богом // пить чай с Иваном, т. е. с другом // полезный чай». Несмотря на то, что 2 реакции отражают негативную трактовку компонента ИВАН, в качестве номинационного признака выступает массовость: «дешевый заменитель чая, Иван – массовый, плохой, на халяву // наверно, так же много растения на полях, как Иванов на Руси», в целом можно утверждать, что данному компоненту приписываются положительные коннотации. Изначальный номинационный признак лексемы *иван-чай* достоверно не известен. В качестве мотивировочных признаков упоминаются время цветения⁹ и способ применения (Моисеева, 2013; Головкин, 1992); кроме того, выдвигается гипотеза о деривации компонента ИВАН от лексемы *ива*, вызванной внешним сходством листьев иван-чая и ивы (Головкин 1992).

В случае с фитонимом *зверобой* опосредованно реализуется чаще второй компонент: БОЙ (16), например: «способен сломить некоторых зверей // смертелен для зверей // валит с ног зверя // полезная, боюсь предположить... может, лечит так подобно тому, как зверь дрался бы с болезнью». Первый компонент, ЗВЕР, также реализуется опосредованно, однако в случае метафорического понимания компонент БОЙ обязательно реализуется непосредственно, например: «бой зверю, т. е. болезни // убивает боль». Чаще респонденты актуализуют первый компонент в его прямом значении (8), при этом опосредованно реализуются оба номинационных признака, например: «является ядовитым для многих животных // вредит животным // видимо, назван так, потому что скотина его не ест».

Вторая тенденция развития языкового знака, тенденция к произвольности, может быть также хорошо проиллюстрирована на материале исследуемой фитонимической лексики. В ходе анализа были выделены лексемы, в той или иной степени подвергшиеся процессу демотивации и лексикализации ВФС.

Более широко в исследуемом материале представлен процесс демотивации, т. е. утраты словом мотивировочного значения. Степень демотивации лексемы варьировалась от нулевой, как в случае с лексемами *кувшинка* и *подорожник*, которые не проявили, согласно полученным метатекстам, черт демотивации, до высокой. Так, при заполнении анкеты только незначительное число респондентов испытали трудности при анализе таких фитонимов, как *белена* (1), *бессмертник* (1), *дурман* (1), *душица* (1), *чистотел* (1) и *тысячелистник* (2), что свидетельствует о крайне низкой степени демотивации данных лексем. К фитонимам с низкой и средней степенью демотивации были отнесены *гвоздика* (4), *зверобой* (5), *иван-чай* (7), *пустырник* (6), *кровохлебка* (8), *матьи-мачеха* (8), *девясил* (9), *валериана* (12), *василек* (12) и *донник* (13). Высокая степень демотивации отмечена у таких лексических единиц как *папоротник* (27), *клевер* (28) и *пижма* (32). Несмотря на немотивированность указанных фитонимов, были зарегистри-

⁸ Только в 1 реакции был зафиксирован номинационный признак имя: «с именем связан чай».

⁹ Растение зацветает в конце июня, период цветения, таким образом, совпадает с православным праздником Рождества Иоанна Предтечи (24 июня по старому стилю), называемого в народе Иваном (Моисеева, 2013).

стрированы показания метаязыкового сознания, отражающие стремление носителей языка мотивировать лексическую единицу, что свидетельствует о начале процесса ремотивации.

При анализе мотивированности фитонима *напоротник* было выявлено 5 реакций, содержащих мотиваторы *пара* и *рот*, например: «мужское растение как папа, редко открывает рот», и 4 реакции с лексическим мотиватором *пороть*: «растение, которое использовали, чтобы пороть». Согласно «Толковому словарю русского языка с включением сведений о происхождении слов», лексема *напоротник* (дериват др.-рус. *напортъ* ‘крыло, перо’) восходит к праслав. **raportь* ‘крыло, перо’, т. е. мотивировочным признаком при номинации данного фитонима выступила форма листа, напоминающая крыло или перо птицы (ТС 2007). В процессе развития языка лексема *напортъ* устарела, обусловив тем самым утрату изначального мотивировочного признака и, как следствие, переосмысление фитонима. Среди названных респондентами номинационных признаков выделяются таинственность: «от слова тайна // молчание – богатство, золото» (6), место произрастания: «лесной цветок // лесное растение» (3), древность: «может, потому что существует на планете очень давно // одно из древнейших растений» (2). Несмотря на отсутствие в современном русском языке слова *напортъ*, форма листа отмечается в качестве номинационного признака в 3 реакциях: «за счет симметричного и имеющего своеобразную форму листа // необыкновенность листвы».

Фитоним *клевер* половиной респондентов рассматривается как лексически и структурно немотивированный (28). Однако и данная лексема начала подвергаться ремотивации: в качестве лексического мотиватора называется глагол *клеить*: «склеивает // приклеенный к земле // клейкий» (4), отмечены 2 попытки лексической мотивации посредством *клевый*: «корова любит эту траву, клево, хорошо» и 1 попытка мотивации глаголом *клевать*: «от „клевать“, возможно, семена нравятся птицам». Примечательно, что фитоним *клевер* – единственная из исследованных лексем, проявляющая тенденцию к структурной ремотивации. В качестве значимого структурного сегмента выделяются, в частности, ВЕР: клевер → клеВЕР (ср.: коВЕР) (4) и ЕР: клевер → клеВЕР (ср.: веЕР) (1).

Лексема *пижма* рассматривается как полностью немотивированная наибольшим числом респондентов (32). Если у остальных фитонимов изначальный мотивационный признак был утрачен или переосмыслен при регистрации изначального номинационного признака, то лексема *пижма* утратила не только свой изначальный мотивационный, но и номинационный признак. Ни один из респондентов не отмечает в качестве номинационного признака запах растения, ср. «лексема *пижма* была заимствована в русский язык через посредство польск. *piżmo* ‘мускус’ или чеш. *pižmo* ‘мускус’ из двн. *bisamo* ‘мускус’, куда, в свою очередь, пришла из латыни: лат. *bisamum* ‘ароматное вещество’» (Моисеева, 2013). Отмечаются, в частности, место произрастания (5), цвет (4), строение (3), назначение (3) и вкус (2). Нулевая актуализация мотивационных отношений данного фитонима обуславливает замедленность его ремотивации, несмотря на давность заимствования. В ходе эксперимента было также замечено паронимическое сближение фитонима *пижма* с лексемой *пижмама* (5). Была предпринята только одна попытка лексической мотивации фитонима: «от глагола «сжимать», возможно, растение вызывает колики и спазмы».

В ходе анализа также было установлено, что демотивации может подвергнуться не только лексема целиком, но и один из ее компонентов. В качестве примера выступает фитоним *девясил*. Несмотря на то, что около половины опрошенных по-прежнему указывают оба компонента лексем: ДЕВЯ и СИЛ и актуализируют в метатекстах изначальный номинационный и мотивационный признаки¹⁰, например: «у этого растения девять сил и широкое применение // увеличивает силу / здоровье в девять раз // лекарственное растение, про которое говорили, что оно имеет девять сил» (20), многие респонденты не выделяют первый компонент ДЕВЯ и не реализуют его даже опосредованно через номинационный признак, ср. «дает силы // придает силу, энергию // трава, дающая много сил» (18). Учитывая, кроме того, среднюю степень демотивации фитонима в целом (9), можно предположить, что он и дальше будет подвергаться влиянию тенденции к произвольности языкового знака, что, возможно, приведет к его полной демотивации. Определенную роль в этом процессе также может сыграть редкая актуализация фитонима в речи.

Черты лексикализации ВФС были в разной степени выявлены у всех анализируемых лексем. Среди лингвистических причин лексикализации выделяется редкая, иногда нулевая актуализация мотивационных отношений (ср. *клевер*, *пижма*). К экстралингвистическим причинам следует отнести малую информативность и неосведомленность респондентов о внешнем виде и/или свойствах растения. Например, БЕЛ/ена «возможно, связано с белыми цветами // возможно, связано с белым цветом // наверно, имеет основной белый цвет» (8)¹¹, ГВОЗДИК/а «наверно, потому что «плоды» гвоздики по форме похожи на гвоздики» (4), ДЕВЯ/СИЛ «возможно, от слов девять и сил, употребляется для укрепления здоровья, иммунитета // скорее всего, данное растение придает силы, излечивает от девяти болезней» (9), КРОВ/о/ХЛЕБ/КА «возможно, данное растение способно останавливать кровь // останавливает кровотечение, скорее всего, судя по названию // ну, тут либо цвет лег в основу названия растения, либо свойство останавливать кровь» (6), КУВШИН/ка «может быть, потому что растет на воде, и в кувшин тоже воду набирают // возможно, форма немного напоминает кувшин» (4), ПУСТЫР/НИК «может быть, растет на пустыре, в пустынных местах // растет на пустырях? если честно, не знаю, где он растет» (6), ТЫСЯЧЕ/ЛИСТ/НИК «если честно, никогда не видел тысячелистник, может быть, у него много листьев» (4), ЧИСТ/о/ТЕЛ «каким-то образом очищает тело?» (4).

Другой экстралингвистической причиной лексикализации является утрата связи с мотивировочным признаком в случае, если он выражен именем собственным (Филатова, 2004: 134). В качестве примеров можно привести лексемы ВАЛЕР/И/АНА «может быть, есть легенда о человеке по имени Валерий и этом растении // от имени Валерьян, возможно» (6)¹², ВАСИЛ/ек «не знаю, Василий? но при чем тут имя? // очевидно, пошло от какого-то голубоглазого Василия // может быть, потому что этот цветок широко распространен как и имя Василий» (8)¹³ и ИВАН/ЧАЙ «пьет воду, как

¹⁰ Согласно старинным русским травникам, растение обладало девятью волшебными силами и широко применялось в народной медицине (Моисеева, 2013).

¹¹ Цветы белены имеют грязно-желтый цвет и сеть темно-фиолетовых жилок (Гаммерман, 1983).

¹² Заимствование из лат. *valeriana* через фр. *valériane* 'валериана' (Моисеева, 2013).

¹³ Восходит к греч. *basilikos* 'царский, царственный' (Моисеева, 2013).

Иван чай, может, фразеологизм был или шутка, а все потом забыли // возможно, растение святого Иоанна // вероятно, какой-то Иван использовал этот сорняк в качестве чая» (8).

Отдельно следует обратить внимание на два фитонима, находящиеся на разных стадиях мотивированности языкового знака и проявляющих, тем самым, черты обеих динамических тенденций: *лебеда* и *лопух*. Около одной трети респондентов рассматривают данные лексемы как немотивированные (16), однако показания остальных респондентов позволяют сделать вывод о том, что данные фитонимы находятся в процессе активной ремотивации. Носителями языка отмечаются различные стадии мотивированности указанных лексем, от лексикализации ВФС до частичной и полной ремотивации.

О лексикализации ВФС *лебеда* свидетельствуют, в частности, реакции типа «не знаю, может, лебедка, лебедь, хотя при чем здесь? // листья, особенно снизу, напоминают крылья лебедя, наверное, я только воображаю // как-то связано с лебедями // лебеда от слова лебедь?, не знаю, если честно // не знаю, скорее всего, это беда для огородников» (9). Около половины респондентов осознают фитоним *лебеда* как частично мотивированный, в качестве мотиватора указываются существительное *беда* (12): ВФС₁ ле/БЕДА ‘<от слова> беда’, «беда для культурных растений // ядовитое, приносит беду // говорить беду // тяжелая беда» и существительное *лебедь* (9): ВФС₂ ЛЕБЕД/а ‘<как> лебедь’, «белый как лебедь // подходит к слову лебедь // лебединая трава // от слова лебедушка // любима лебедями». Также была отмечена одна реакция, выделяющая во ВФС *лебеда* два мотивировочных признака: ВФС₃ ЛЕ/БЕДА ‘летняя беда’, «летняя беда для огорода».

Фитоним *лопух*, согласно метатекстам, проявляет среди прочих фитонимов наибольшую полимотивацию и соответственно вариантность ВФС. В ходе эксперимента было выявлено пять ВФС, в основе которых лежат разнообразные лексические мотиваторы. Так, некоторые респонденты признают фитоним полностью мотивированным, называя в качестве мотиваторов прилагательное *лопоухий* (2), что позволяет констатировать ВФС₁ ЛОП/УХ, и глагольную фразу *ловить пух* (1), что свидетельствует о наличии ВФС₂ ЛО/ПУХ. Многие респонденты считают фитоним *лопух* частично мотивированным, указывая при этом различные лексические мотиваторы, в частности существительное *ухо/уши* (7) и междометие *ух* (1), т. е. ВФС₃ лоп/УХ, существительные *пух/пушок* и прилагательное *пушистый*, т. е. ВФС₄ ло/ПУХ (4). Такие мотиваторы, как *лопата* (1), *лопасть/лопастной* (2) и *лопаться* (1) обуславливают ВФС₅ ЛОП/ух.

Показания метатекстов свидетельствуют не только о ремотивации лексемы *лопух*, но также выявляют черты процесса лексикализации ВФС. Так, в 4 случаях респонденты не уверены в ответе, в определении структуры ВФС и выделении мотивирующей части лексемы: «может быть, связано как-то с тем, что листья большие, ну, и людей с большими ушами называют лопухими // на листьях есть небольшой пушок, ло- расшифровке не поддается // наверное, пух как-то распространяет, может с семенами, а про ло- не знаю // может быть, похож на лопату».

Примечательно, что при утрате и/или переосмыслении исходного мотивационного признака лексема *лопух* тем не менее сохранила изначальный номинационный признак

форма/размер листа. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, рус. *лопух* восходит к лит. *lāpas* ‘лист’ (Фасмер, 2009: 520). Респонденты осознают принцип номинации фитонима не только вне отношений мотивации (9), например: «растет большими листьями // вероятно, из-за больших листьев // потому что большой, все, что большое, называют лопухами // могучий // за счет своеобразной формы листа», но и частично реализуют его в метатекстах (12), например: «листья как большие уши // большой лист, похож на уши // большие листья, напоминают уши слона // большие лопастные листья // широкие листья, похожие на лопату».

В ходе анализа полученных метатекстов также было установлено, что 11 фитонимов не изменили с развитием языка своих мотивационных и/или номинационных признаков, т. е. не подверглись динамическим изменениям. Так, номинация фитонима *бессмертник* была вызвана способностью данного растения сохранять внешний вид неизменным даже после срезки (Моисеева, 2013). Показания современного метаязыкового сознания указывают на то, что не только номинационный, но и мотивационный признак остались неизменными, например: «долго не увядает // бессмертный, значит, долгоживущий // цветок даже сухой сохраняет свой цвет и форму, т. е. бессмертный». Изначальный номинационный признак фитонима *гвоздика* – форма семян сходна с гвоздем, перенесенный впоследствии на виды растения, не употреблявшиеся в качестве приправы (Моисеева, 2013), также был сохранен метаязыковым сознанием, например: «похожа на гвоздь // семена как гвозди // цветок похож на шляпку гвоздя». Фитоним *кувшинка* практически всеми респондентами отождествляется с лексемой *кувшин* (45), а в качестве номинационного признака называется форма цветка (13), что также позволяет констатировать стабильность исходных мотивационных и номинационных признаков фитонима (Моисеева, 2013). Кроме того, следует отметить полную мотивированность данной лексемы, что доказывается отсутствием у респондентов затруднений при анализе фитонима.

Заимствованная из перс. *dārmān* ‘лекарство’ лексема *дурман* была уже на начальном этапе переосмыслена языковым сознанием и, пройдя стадию ремотивации, стала отождествляться с лексемой *дурной* (Моисеева, 2013). Данный процесс был вызван не только сходством внешней формы слова, но и свойством самого растения опьянять, туманить разум человека (Гаммерман, 1983). Показания современного метаязыкового сознания позволяют констатировать неизменность мотивационного и номинационного признаков фитонима. Так, в своих ответах респонденты указывают в качестве мотиваторов лексемы *дурманить*, *одурманить*, *дурить*, *дурной*, *дурманящий*, а в качестве номинационных признаков – способность вызывать помутнение сознания, при этом часто подчеркивается запах растения, например: «обладает свойством помутить рассудок // сильный запах, воздействует на психику // запах кружит голову».

Фитоним *душица*, исходная номинация которого произошла ввиду сильного и резкого аромата соцветий, являлся мотивемой лексемы *дух* ‘запах’ (Моисеева, 2013) и представляет собой, таким образом, еще один пример стабильности языкового знака. 51 реакция подтверждает неизменность исходного номинационного и мотивационного признака, например: «связано с приятным запахом растения // имеет душистый

запах // в чай заваривают, дает дух приятный // имеет явный запах и аромат // сильно пахнущее растение».

Фитонимы *подорожник* и *пустырник*, объединенные номинационным признаком место произрастания (Моисеева, 2013), также не утратили своей изначальной мотивировки, что подтверждается полученными в ходе эксперимента метатекстами. Так, *подорожник*, согласно 48 реакциям, «растет по дороге // растет вдоль дорог // растет при дорогах». Следует отметить полную мотивированность данной лексемы и стабильность ее номинационных и мотивационных признаков. Лексема *пустырник* также мотивируется большинством респондентов местом произрастания растения, например: «произрастает преимущественно на пустырях // растет там, где ничего нет, где всегда пусто // пустырное растение // из-за того, что растет в пустынных местах, где другие растения редкость // растет в заброшенных местах» (39).

Фитонимы *мать-и-мачеха* и *тысячелистник*, общим номинационным признаком которых является внешний вид / строение листа (Моисеева, 2013), проявляют тот же признак и в большом количестве полученных метатекстов. Половина респондентов отмечает при анализе фитонима *мать-и-мачеха* противоположность свойств листа (разность внешней и внутренней сторон), иногда растения в целом, как основу номинации (24); часто положительные качества одной стороны листа отождествляются с «матерью», отрицательные – с «мачехой», например: «одна сторона [листа] теплая, как мать, а другая холодная, как мачеха // сверху гладкая, снизу колючая, или, наоборот (в детсаду нам это еще рассказывали), по аналогии: мама – добрая, мачеха – злая» (13). Таким образом, можно сделать вывод, что не только изначальная номинация, но и сами мотиваторы, а также их двусторонняя связь были сохранены языковым сознанием.

В случае с лексемой *тысячелистник* наблюдается некоторое отклонение от изначального номинационного признака: многократно рассеченная форма листа (Моисеева, 2013). Несколько респондентов подменяют форму листа формой соцветий (7) или объединяют два номинационных признака в один, например: «тысяча лепесточков в соцветии // мелкие цветочки, много // у него много маленьких цветочков и мелко сегментированные листики, кажется, что тысячи их». Несмотря на небольшое искажение номинационного признака, мотивационный признак остался неизменным, актуализуемые мотиваты – *тысяча* и *листочек* (*листочек, листья, листы*), например: «много листочков в сложном листе // тысяча листьев // много листочков у него, сложно подсчитать // много-много листьев».

Объединенные общим мотивировочным признаком лекарственные свойства растения фитонимы *чистотел* и *кровохлебка* также сохранили, согласно полученным показаниям метаязыкового сознания, свою изначальную номинацию. При номинации фитонима *чистотел* в качестве мотивировочного признака выступало свойство растения лечить кожные заболевания, сводить бородавки и т. п. (Гаммерман, 1983). Современным метаязыковым сознанием отмечается, что чистотел «очищает, делает чистым тело // использовался в народной медицине для удаления различных бородавок, мозолей и т. д., т. е. чтобы очистить тело // избавляет тело того, который им моется, от всяких болячек // антибактериальный // очищает от грязи // хорошо воздействует на кожу, ле-

чит ее (здоровая кожа – чистая кожа)», т. е. номинационный признак был сохранен (52). В качестве мотиваторов также выступают лексемы, легшие в основу номинации: *чисто* (*чистый, чистить, очищать*) и *тело*, например: «используется для удаления бородавок, в настое купают детей, т. е. он чистит тело // тело чистое после купания».

Согласно справочному пособию А. Ф. Гаммерман «Лекарственные растения», кровохлебка применялась в качестве кровоостанавливающего средства, название было заимствовано калькированием из латыни: лат. *sanguis-sorba* ‘кровь всасывать (хлебать)’ (Гаммерман, 1983). В ходе анализа метатекстов было установлено, что большинство респондентов по-прежнему отмечают в качестве номинационного / мотивационного признака способность растения останавливать кровотечение, например: «останавливает кровь // обладает сильно выраженным кровоостанавливающим эффектом // используют для того, чтобы остановить кровь // как бы пьет, хлебает кровь»¹⁴ (34).

Таким образом, в ходе проведенного психолингвистического эксперимента было установлено, что 12 фитонимов подверглись динамическим изменениям в сильной степени, проявляя черты различных мотивологических процессов – ремотивации, лексикализации ВФС и демотивации. Полученные реакции носителей языка также подтверждают комплексность и взаимопроникновение данных процессов. В частности, одна и та же лексема может проявлять черты и ремотивации, и лексикализации ВФС, и демотивации, что позволяет рассматривать язык как динамическую развивающуюся систему.

11 фитонимов подверглись динамическим мотивологическим процессам лишь в незначительной степени (небольшое число респондентов считают лексему демотивированной, лексикализируют ее внутреннюю форму или предпринимают попытки ремотивации) или вовсе не изменили, согласно полученным показаниям, своих изначальных мотивационных и номинационных признаков. Данный факт подтверждает стабильность языкового знака и свидетельствует, таким образом, о константности как языковых, так и внеязыковых свойств фитонимов в русской языковой картине мира.

В заключение также следует отметить, что ряд мотивологических аспектов и некоторые группы показаний метаязыкового сознания остались за рамками данного исследования (метафоризация мотивом, попытка структурной мотивации и ремотивации, указание на иноязычное происхождение лексемы), что требует дальнейшего более глубокого и детального анализа с возможным привлечением данных других языков.

¹⁴ Следует, однако, отметить, что в 5 реакциях в качестве номинационного признака отмечается цвет соцветий, мотивационный признак при этом реализуется как непосредственно, например: «красные шишечки, как кровь», так и опосредованно, например: «красные соцветия, как будто наполнены кровью // красное растение, будто напившиеся крови».

Список литературы

- БАП – Большой атлас природы России. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2005. С. 259.
- Блинова О. И. Ключевые термины мотивологии: Испытание временем (1971–2011 гг.) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 136–140.
- Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007.
- БС – Биологический словарь / Энциклопедическое описание донника. URL: <http://sbio.info/page.php?id=10989&ratings=1> (дата обращения: 05.03.2014).
- Гаммерман А. Ф., Кадаев Г. Н., Яценко-Хмелевский А. А. Лекарственные растения (Растения-целители): справ. пос. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983.
- Головкин Б. Н. О чем говорят названия растений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Колос, 1992.
- Моисеева Е. Ю. Мотивировочные признаки наименований основных лекарственных растений в русском языке. III Всероссийский фестиваль науки. XVII Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (22–26 апреля 2013 г.): в 5 т. Т. II: Филология. Ч. 2: Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Томск: Изд-во ТГПУ, 2013. С. 185–193.
- Мотивология: Библиографический указатель. 2-е изд., испр. и доп. / сост. О. И. Блинова, А. С. Савенко, А. В. Шевчик; под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.
- Которова Е. Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований / под ред. А. Ю. Фильченко. 2013. № 1 (1). С. 58–67.
- ТС – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007.
- Тубалова И. В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2009. Т. 1. С. 147. Т. 2. С. 520.
- Филатова А. С. Фитонимическая лексика русского, английского и французского языков в мотивационно-сопоставительном аспекте // Теоретические и прикладные аспекты филологии: сб. науч. тр., посвящ. 10-летию каф. рус. яз. и лит. Института языковой коммуникации Томского политехнического университета / под ред. З. И. Рязановой. Томск: STT, 2004. С. 131–137.

Моисеева Е. Ю., аспирант, ассистент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: egyptcat17@gmail.com

Материал поступил в редакцию 05.07.2014.

Moiseeva E. Yu.

WORD MOTIVATION IN THE DYNAMICS OF LANGUAGE (BY IN RUSSIAN HERBS NAMES)

The article deals with word motivation in the dynamics of language according to the data of a psycholinguistic experiment. The experiment was intended to analyze motivation of herbs names in the view of their linguistic development. There were chosen 23 Russian herbs names (names of wild herbaceous medical plants growing in the Western and Eastern Siberia), which were analyzed and classified depending on their motivation before the experiment. Respondents were to answer the question “Why do you think these plants have such names?” during the experiment.

There were asked 54 respondents. 1242 given responses were determined into seven groups after the analysis of experiment data. The further study considered the amount of responses in each group.

Thus all the chosen herbs names tend to be both motivated and not motivated. 12 of them show features of remotivation, lexicalization of the inner form of the word and demotivation. 11 names show small or no features of any dynamic motivation changes. No names have features of neo-motivation or idiomatic changes.

It should be also noted, that some motivation features were not considered during the experiment and so need further studies probably appealing to other languages.

Key words: *motivation, motivology, motivational features, nominational features, herbs, remotivation, demotivation, lexicalization, inner form of the word.*

References

- Bol'shoj atlas prirody Rossii* [Big atlas of nature of Russia]. Moscow, Egmont Rossija Ltd Publ., 2005. P. 259 (in Russian).
- Blinova O. I. Kl'uchevye terminy motivologii: Ispytanie vremenem (1971–2011 gg.) [Key terms in motivology: The test of the time (1971–2011)]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 136–140 (in Russian).
- Blinova O. I. *Motivologija i jeje aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk, 2007 (in Russian).
- Biologičeskij slovar' / Enciklopedičeskoe opisanie donnika* [Biological Dictionary / Encyclopedic description of melilot]. URL: <http://sbio.info/page.php?id=10989&ratings=1> (Accessed: 05 March 2014) (in Russian).
- Gammerman A. F., Kadaev G. N., Jatsenko-Khmelevskij A. A. *Lekarstvennye rastenija (Rastenija-celiteli)*. Sprav. posobie. 3-e izd., pererab. i dop. [Medicinal herbs: Reference guide]. Moscow, Vusshaya shkola Publ., 1983 (in Russian).
- Golovkin B. N. *O chem govoryat nazvanija rastenij* [What the plant names tell]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Kolos Publ., 1992 (in Russian).
- Moiseeva E. Ju. *Motivirovochnye priznaki naimenovanij osnovnyh lekarstvennyh rastenij v russkom jazyke* [Motivational features of the names of medicinal plants in Russian]. III Vserossijskij festival nauki. XVII Mezhdunarodnaja konferencija studentov, aspirantov i molodyh uchenykh “Nauka i obrazovanie” (22–26 aprelja 2013 g.): V 5 t. T. II: Filologija. Ch. 2: Aktual'nye problemy lingvistiki I metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2013. Pp. 185–193 (in Russian).
- Motivologija: Bibliografičeskij ukazatel'* [Motivology: Bibliography guide]. 2-e izd., ispr. i dop. / sost. O. I. Blinova, A. S. Savenko, A. V. Shevchik; pod. red. O. I. Blinovoj. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2012 (in Russian).
- Kotorova E. G. Kommunikativno-pragmaticeskoe pole kak metod kompleksnogo opisanija sposobov realizacii rečevykh aktov [Communicative-pragmatic field as a method of complex description of realization of speech acts]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 1 (1), pp. 58–67 (in Russian).

Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkl'ucheniem svedenij o proishozhdenii slov [Thesaurus of Russian with data on word origin]. RAN. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Otv. red. N. Ju. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007 (in Russian).

Tubalova I. V. *Pokazaniya jazykovogo soznaniya kak istochnik izuchenija javleniya motivacii slov* [Indications of linguistic mind as a source of studies in word motivations]. Dis.: cand. filol. sci. Tomsk, 1995 (in Russian).

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of Russian]. V 4 t. per. s nem. i dop. O. N. Trubachova. 4-e izd., ster. Moscow, Astrel', AST Publ., 2009. T. 1, p. 147. T. 2, p. 520 (in Russian).

Filatova A. S. *Fitonimicheskaja leksika russkogo, anglijskogo i francuzskogo jazykov v motivacionno-sopostavitel'nom aspekte* [Fitonymic lexicon of Russian, English and French: motivation-comparative aspect]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty filologii. Sbornik nauchnyh trudov, posvjash'ennyh 10-letiju kafedru russkogo jazyka i literaturu Instituta jazykovej kommunikacii Tomskogo politehnicheskogo universiteta* [Theoretical and applied aspect of philology. Collection of papers]. Ed. Z. I. Rjazanova. Tomsk, STT, 2004. Pp. 131–137 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: egyptcat17@gmail.com

Терещенко А. В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА «МЕТАМОРФОЗА»: НА МАТЕРИАЛЕ СЕЛЬКУПСКИХ СКАЗОК И МИФОВ НАРОДОВ МИРА

Рассматривается стилистический прием «метаморфоза» в селькупских сказках и мифах народов мира. В ходе анализа фольклорных и мифологических сюжетов выясняются способы, причины, характер и мотивировка метаморфоз, происходящих с персонажами/объектами, задействованными в повествовании. Рассматриваются метаморфозы, в результате которых образуются как одушевленные, так и неодушевленные (топонимы, части ландшафтной оболочки) объекты. Анализируется современная интерпретация метаморфозы в мировой литературной традиции.

Ключевые слова: *метаморфоза, стилистический прием, селькупский язык, селькупские сказки, мифы народов мира, фольклор, перевоплощение, сюжет, мотив.*

За время своего существования человечество создало универсальные культурные феномены, позволяющие лучше понимать друг друга, ощущать связь времен, смысл жизни. К подобным феноменам следует отнести обряды и ритуалы, театральное и прикладное искусства, живопись, сказки и мифы. В этом перечне мифы и сказки занимают совершенно особое место.

Миф (др. – греч. *μῦθος* «сказание», «предание») – своеобразная основа мировоззрения человека, то, что составляет его веру в тот или иной порядок вещей. В мифах ищут подтверждения правоты жизненных устоев, они являются обобщением и освоением культурного пространства.

Сказка, в свою очередь, – один из вечных и уникальных способов понимания и изображения мира и человека, яркий и необычный способ категоризации действительности. Пройдя долгий путь от воспроизведения мифологической картины мира до символического (часто философского) переосмысления, именно сказка является одним из первых источников, с помощью которых ребенок познает окружающий мир и самого себя.

Учитывая сравнительно небольшой объем текста, сказка позволяет судить и делать весьма обоснованные выводы о становлении и динамике развития общества, выработанных этносом морально-нравственных и культурных ценностях, об особенностях национального характера и сложившихся национальных стереотипах.

Народная сказка – явление исключительно многообразное. В ней сочетаются национальное и интернациональное, древнее и новое, коллективное и личное, традиционное и импровизационное творческие начала (Ким, 2006: 117).

Не вызывает сомнения тот факт, что мифы и сказки, гармонично сочетая в себе вымышленное и реальное, наличие ценностей и антиценностей, прославление героев и борьбу со злодеями, высокие нравственные идеалы и людские пороки, представляют сложные речевые произведения, требующие комплексного лингвистического анализа.

Поворот современной лингвистики к мифологической традиции и сказочному дискурсу как объекту исследования поставил ученых перед необходимостью интерпретации стилистических приемов, заложенных в текстах фольклорных и литературных произведений. Каждый миф и сказка воплощают уникальную картину мира, которая является образным отражением действительности и реализуется в тексте произведения с помощью языковых художественных средств.

Материалом настоящего исследования послужили мифы народов мира и селькупские сказки, являющиеся частью сибирского прозаического фольклора. Сказки коренных народов Сибири (селькупов, хантов, кетов, ненцев, нганасан, чулымцев и др.) покоряют читателей хитросплетениями сюжета, богатством вымысла, изобретательными, бесстрашными и находчивыми персонажами и их героическими подвигами.

Селькупские сказки как ценные образцы мировой фольклорной традиции всегда привлекали внимание ряда выдающихся исследователей. А. П. Дульзон одним из первых обращает внимание на образность и многогранность языка сказок коренных народов Сибири. Сбор, изучение и дальнейшая публикация текстов шаманских камланий является заслугой Е. А. Хелимского и его учеников. В центре внимания современных фольклористов находятся перечисленные ниже аспекты: язык личных песен и шаманских песнопений северных селькупов (О. А. Казакевич); репертуар мотивов и границы географического распространения шаманских легенд (Е. Н. Дувакин); сюжетный состав фольклора в этнографическом контексте (А. А. Ким); цикл *Итя*-сказок и их мотивы: *Итя* и его невеста (*Итя* женится), *Итя* и старик, «Ловушка-дразнилка», *Итя* путешествует на Небо, *Итя* и великан-людоед *Пёнеге* и другие (Тучкова, 2013: 205–207).

Как видно из сказанного выше, специальных лингвистических работ, посвященных интерпретации стилистических приемов (в данной статье – метаморфозы) на материале селькупских сказок, в сущности, нет. Многие вопросы, связанные с функционированием тропов в текстах фольклорных произведений, остаются недостаточно осмысленными и теоретически обоснованными. Кроме того, в статье рассматривается репрезентация метаморфозы в мифах различных народов мира (ацтеков, шумеров, скандинавов, североамериканских индейцев, австралийских аборигенов и др.). Данные утверждения определяют актуальность настоящего исследования.

Наряду с гиперболой, метафорой и сравнением *метаморфоза* – один из наиболее древних и самых эффективных стилистических приемов, который нашел широкое отражение в мифологии, фольклоре и различных жанрах художественной литературы (в балладах, баснях, повестях, рассказах, новеллах, романах).

В «Энциклопедии мифологии» приведено следующее определение метаморфозы: *Метаморфоза* (греч. *metamorphosis*) : 1) превращение одних существ или предметов в другие; 2) превращение, переход из одной формы в другую с приобретением нового внешнего вида и (или) функций; 3) значительное изменение, необыкновенная перемена в чем-либо.

В современной литературе по стилистике нет единства взглядов на природу метаморфозы и тех функций, которые она выполняет. Точки зрения о том, что же такое метаморфоза, крайне противоречивы. По мнению российского лингвиста Д. Э. Розенталя, метаморфоза гораздо колоритнее и динамичнее метафоры. Она категоричнее срав-

нения и отражает процесс перехода одного явления в другое, в то время как метафора и сравнение отражают результат (Розенталь, 2013: 329).

Н. Д. Арутюнова считает, что необходимо четко разграничивать метаморфозу и метафору. Метаморфоза нивелирует роль субъекта, сохраняя только его «оборотень». Она именно демонстрирует, показывает «превращенный» мир; это эпизод, явление, сцена, которая пронизывает собой все развитие сюжета (Арутюнова, 1990: 296–298). Проникновение в область семантики свойственно метафоре, но не характерно для метаморфозы, которая, указывая на «частичное совпадение субстанций», не отлагается в языке в виде особого порождения и преобразования значений. Метафора выделяет сущностный признак объекта, между тем как метаморфоза (иногда и сравнение) обращает внимание на «эпизодическое» превращение (Байдак, 2013: 9–14).

С точки зрения ряда американских когнитивных лингвистов (М. Блэк, А. Ричардс, Д. Дэвидсон), суть любого стилистического приема – конфликт (Black, 1979: 19–45). Метаморфоза (наряду с метафорой) служит тому абсолютным подтверждением. Трансформация в другой образ и последующая проекция одной из систем на другую составляют основу конфликта. Исходя из данного тезиса метаморфозу можно интерпретировать как новый взгляд на объект, который делает обозначаемое видоизмененным понятием (Black, 1962: 128).

Согласно Е. М. Мелетинскому, метаморфозы в наиболее архаичных формах отражают существенные черты ранней мифопоэтической мысли: представление о расплывчатых (нечетких) множествах, членами которых могли быть боги наряду с людьми, животными и неодушевленными предметами, иногда переходящими друг в друга благодаря метаморфозам. Четкое разделение «мира живых» и «мира мертвых», «того света» и «этого света» делало возможным переход из одного измерения в другое лишь посредством обязательных метаморфоз. Древнюю обрядовую основу мифологических метаморфоз составляло рассмотрение предметов и существ как возможных обиталищ (в большинстве случаев – временных) того или иного бога/духа (Мелетинский, 1995: 225).

В мифологии некоторых народов мира (например аборигенов Австралии) самый архаический вид метаморфоз связан с тотемическими представлениями. Во многих космогонических мифах исходным материалом, из которого благодаря метаморфозам возникают части мироздания или земной поверхности, служит тело убитого великана, чудовища или другого сверхъестественного существа. Так, в ацтекском мифе боги *Кецалькоатль* и *Тескатлипока* разрывают на части богиню *Тлатекутли*. Части ее тела благодаря метаморфозам становятся географическими объектами или предметами растительного мира. Так, из ее длинных волос возникают цветы, кустарники, травы и деревья, из глаз – водные источники, рот превращается в бурлящие потоки, а плечи – в горы и скалы (см. Мифы народов мира).

В волшебных и фольклорных сказках метаморфоза становится формальным приемом сюжетосложения. Так, сюжет селькупской сказки «*Кднгырсеке*» («Семь островов на Енисее»), фактически основан на метаморфозе – этот стилистический прием встречается в тексте четыре раза (Быконя, 1996: 71). Шаман и герой-трикстер *Кднгырсеке*, окунувшись в воду, превращается в щуку. Перевоплощение в рыбу далеко не оконча-

тельно, поскольку, чтобы поговорить с богом *Нумом*, герой оборачивается соколом и взлетает высоко в небо. Лишь только к концу сказки *Кднгырсе* вновь становится человеком. Преследовавший юношу черт превращается в налима. Следует отметить, что перевоплощение в рыбу более характерно для сказочных сюжетов северного диалектного ареала: шаманы превращаются в щуку, а черти – в налимов.

В приведенном выше примере мы наблюдаем так называемое временное превращение с последующим возвращением к первоначальному виду. Подобный вид метаморфоз имеет прямую отсылку к *оборотничеству*, что характеризует подавляющее большинство древнеегипетских богов (*Ра*, *Гор* и др.), героя кетского мифа – разорителя орлиных гнезд. Спасаясь от преследователей, он последовательно превращался в горностаю, оленя и трехногого коня (см. Мифы народов мира).

Для сюжетов селькупских сказок также характерны перевоплощения животного в человека. Авторы «*Мифологии селькупов*» отмечают, что некоторые звери и птицы являются символами конкретных сказочных персонажей, часто превращающихся в птиц, рыб и других животных. Так, для шамана в его путешествиях характерны трансформации в щуку; богатыри принимают облик глухаря, кедровки и орла; девушка и юноша становятся лебедями. Отдельные животные регулярно выступают в ипостаси нечистой силы: черт-старик (в ряде сказок – чертовка) становятся на небольшое время лошадью или вороной; дьявол нередко появляется в обличье маленькой птички, прилетающей из-за моря (МС, 2004: 94).

В сказке «*Темня и нення*» («Брат и сестра»), записанной в с. Нельмач (р. Парабель, Томская область), встречаются сразу три метаморфозы, связанные с перевоплощением животного в человека: лягушка превращается в прекрасную девушку; медвежата, ударившись о землю, – в детей, а их мать медведица – в женщину (Максимова, 1983: 147–148).

В тексте сказки «*Чюн нэ*» («Дочь Земли») из фольклорного сборника «*Сказки нарымских селькупов*» можно встретить еще несколько примеров метаморфозы «человек → животное» и «животное → человек» (Быконя, 1996: 171). Сказочный сюжет повествует о том, как *Дочь Земли*, прикоснувшись к алым драгоценным камням, становится птичкой и приносит возлюбленному целебной воды, тем самым спасая его от смерти. *Дочь Солнца* превращается в лебедя, хотя в селькупском тексте не приводится каких-либо объяснений, как, каким образом и по какой причине происходит это перевоплощение. Спасаясь от погони, возлюбленный *Дочери Земли* падает в воду, превращаясь в камень. Отчаявшись от горя, красавица ударяется о землю, становясь камнем. В точности такая же метаморфоза происходит и с лошадью.

Подобные мотивы перевоплощения в неодушевленный предмет характерны не только для селькупских, но и для русских сказок. Так, в любимой многими детьми русской народной сказке «*Елена Премудрая*» добрый молодец, ударившись об пол (в некоторых текстах – о ковер/землю) становится булавкой. *Елена Премудрая* роняет булавку из своей волшебной книги – данное резкое действие (падение) помогает юноше вновь обрести человеческую ипостась (см. Русские народные сказки). Метаморфозу «добрый молодец → булавка» можно вполне охарактеризовать как сюжетообразую-

щий прием сказки – встречаясь в течение повествования шесть раз, метаморфоза помогает создать сюжетную канву фольклорного произведения.

Значительный интерес представляют метаморфозы, связанные с возникновением сказочных героев из органов (иногда костей) человеческого тела. Подобные примеры встречаются довольно редко в селькупском фольклоре. Сказочная проза повествует о том, что некоторые органы человеческого тела могут являться источниками жизни. Согласно селькупскому поверью, печень наряду с сердцем – главные органы, олицетворяющие жизнедеятельность, поэтому поврежденный враг не оживет лишь только в том случае, если эти органы будут съедены. В сказке «*Nadek i ulyo*» («Девушка и лед»), записанной в чумылькупском диалектном ареале, имеется сюжет о том, как из печени возрождается человек: «Печень в старушку превратилась» (Байдак, 2010: 10). Известны мифы о происхождении некоторых видов ландшафтной оболочки земли из органов: например, трясина (*ымп̄а*) появилась на месте легкого (*пук̄а*) утопленной в озере чертовки (МС, 2004: 95–97).

Часто в сюжетах сказок метаморфозы происходят через надевание/снятие шкуры животного, как, например, в сказке нарымских селькупов «*Пеге кут таредык азымба*» («Как рябчик человеком стал»). В девяти небольших логически связанных друг с другом главах повествуется о том, как юноша при помощи шкуры рябчика обрачивался птицей или же вновь становился человеком (Быконя, 1996: 139). Метаморфоза в данной сказке носит, скорее, незавершенный характер, поскольку по тексту сказки невозможно судить о финальной ипостаси главного героя (человек или птица).

Смерть – своеобразная мифологическая метаморфоза: превращение человека (чаще всего его души или одной из душ, если религиозные представления этноса предполагают множественность душ у одного человека) в животное или птицу (Ким-Малони, 2010: 88–92). Иногда данное превращение происходит не сразу после смерти, а спустя несколько лет, как в ацтекских мифах о небесном доме солнца. Согласно древне-мексиканским мифам, умерший человек мог трансформироваться в человека другого пола: если женщина умирала в родах, то на «том свете» она претерпевала метаморфозу, становясь воином в доспехах и с оружием (см. Мифы народов мира).

Для селькупского фольклора в целом характерны метаморфозы, в результате которых возникают *географические объекты (топонимы)*. Как правило, подобные метаморфозы имеют многоступенчатую структуру, как в приведенном ниже примере: предмет → предмет/часть ландшафтной оболочки/кольцо → котел/чум/точило → остров/парка → земля, поросшая мхом. Зафиксированы некоторые сказки, где перевоплощениям подвержены явления природы (гром/молния → объект поклонения).

В мифах многих народов Евразии (особенно Восточной Азии) и Америки в классическом и довольно распространенном мотиве «магического бегства» спасающийся от преследования герой бросает позади себя последовательно предметы (чаще всего их три), которые благодаря метаморфозам преграждают путь его преследователям, становясь различными географическими объектами (холмами, горами, озерами, лесами, островами).

Аналогичен характер метаморфоз в самодийских, чукотских и юкагирских мифах с тем же сюжетом. Селькупские богатырские сказания служат тому подтверждением.

Например, если богатырь бросал на пути врага точило, то оно превращалось в остров (Полякова, 2011: 158). Горный хребет (*толакка*) считался объектом мифологизации и мог возникнуть, по поверьям, на месте брошенного кремня (*шекыт пу*) или гребня (*тинсы*).

Там, где от руки богатыря гибли враги, возникали горы, холмы, мысы. Если богатырь сам погибал в бою, то на месте его падения мог появиться камень/каменный порог на реке (подобный сказочный сюжет записан на р. Парабель, Томская область). Типичным жилищем богатыря, как повествуют селькупские сказки, были огромные землянки (*мадурьт карамо*), на крышах которых росли священные леса, а затем возникали богатырские острова и мысы (МС, 2004: 96). Следует сделать вывод, что наличие конкретных сказок о происхождении того или иного топонима свидетельствует о том, насколько важны для селькупов были эти географические объекты.

Подытоживая лингвистическую информацию, полученную из селькупских богатырских сказаний, отметим, что появление топонимов и гидронимов, как правило, связано с действиями по направлению к поверхности земли. Данные действия имеют ускоренный, стремительный, часто молниеносный характер: падение, бросок какого-либо предмета на землю, резкое вонзание оружия в землю и т. д.

Сравнивая селькупские богатырские сказки и мифы народов Евразии и Америки, можно отметить ряд сходств и отличий: в мотиве «магического бегства» совпадает характер бросаемых предметов (материал, претерпевающий метаморфозу) и характер препятствий, возникающих благодаря метаморфозам этих предметов на пути преследующих (горы, холмы, леса, реки, острова). Как правило, разнится количество бросаемых предметов: в селькупских сказках богатырь бросает один или два предмета (кремень, гребень), в евразийских и американских мифах чаще всего фигурирует три предмета.

Метаморфоза – распространенный и излюбленный стилистический прием в литературной традиции разных эпох. Античные поэты и писатели часто прибегали к использованию метаморфозы (например, как прием сюжетостроения), подвергая ее разнообразным переосмыслениям. Так, в поэме Овидия «*Метаморфозы*» (см. Овидий Публий. *Метаморфозы*) перед читателем предстает целая галерея мифологических образов, основанных на метаморфозе: *Арахна* превращается в паука из-за собственного высокомерия и оскорбления богов; *Нарцисс* становится цветком в наказание за самовлюбленность; *Гелиады* предстают в обличье тополей, поскольку нарушили запрет отца; слезы *Гелиад* становятся прозрачным янтарем и др. (см. *Метаморфозы*. Энциклопедия символики и геральдики).

В европейской и американской литературе периода романтизма (XVIII–XIX вв.) сюжеты, связанные с метаморфозами, иногда получают новое осмысление в духе поэтики иррационального, сохраняя при этом древние истоки.

Классическим образцом использования метаморфозы в литературе XX в. можно считать новеллу Ф. Кафки «*Превращение*» (см. Кафка Ф. *Превращение*), написанную в свойственной писателю «протокольной» форме. Главный герой рассказа Грегор Замза, простой коммивояжер, проснувшись утром, обнаруживает, что превратился в ужасное насекомое. В свойственной Ф. Кафке манере причина метаморфозы, события, ей

предшествующие, не раскрываются – читатель просто поставлен перед фактом, что превращение свершилось. Метаморфоза наряду со множеством мелких реалистичных деталей дополняет картину, помогая раскрыть общую тенденцию гротеска.

Подводя итоги, сделаем ряд выводов: метаморфоза – один из наиболее распространенных стилистических приемов в фольклоре и мифологии. Обладая сюжетообразующей функцией, метаморфоза придает тексту сказки дополнительный колорит, способствуя большему вовлечению читателя в повествование.

Способы перевоплощений могут быть разные: удариться о землю (*Дочь Земли* становится камнем; богатырь превращается в хищную птицу мышелова; добрый молодец → булавка); прикоснуться к предмету, наделенному волшебными свойствами (*Дочь Земли* касается алых драгоценных камней и становится птичкой); надеть/снять шкуру животного (сказка «Как рябчик человеком стал»); пожевать какой-либо предмет и сплюнуть (кольцо превращается в дом, семиверхую лодку или медный котел); пнуть, пихнуть кого-/что-либо (герой пнул парку → мшистый участок земли; пихнул коня → землей стал/под землю ушел); съесть что-либо (мальчик съел ягоду и сам превратился в нее). Процесс перевоплощения обычно ситуативно и контекстуально описан в тексте сказки или мифа. Возможны неоднократные превращения, которые наиболее типичны для шаманов в селькупских сказках.

Как правило, в мифах и сказках метаморфоза происходит по одной из следующих причин: «магическое бегство» персонажа, при котором он перевоплощается в более ловкое, сильное, бесстрашное существо; необходимость спасения жизни другого человека (*Дочь Земли* стала птичкой, чтобы добыть целебной воды для умирающего возлюбленного); сильные чувства (горе, отчаяние, скорбь), которые движут главным героем («мотив окаменения»). Встречаются также тексты, в которых причина метаморфозы либо не совсем ясна, либо не указана.

Сравнение ряда сюжетных схем показывает, что мотивировка метаморфоз может меняться, но существенно, что во всех случаях развитие сюжета осуществляется именно благодаря серии метаморфоз главного персонажа.

Таким образом, селькупские сказки и мифы народов мира служат ценным лингвистическим материалом для изучения стилистических ресурсов языка. Анализ сибирского прозаического фольклора позволяет говорить о том, что описание фигур речи и средств языковой выразительности на материале языков самодийской группы требует дальнейшего комплексного анализа и интерпретации.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
- Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 296–298.
- Байдак А. В. Средства выражения одушевленности/неодушевленности в селькупском языке // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2010. № 338. С. 7–12.
- Байдак А. В. Метафоры и образные схемы в селькупском языке // Томский журнал лингв. и антр. исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Antropology). 2013. № 2 (2). С. 9–15.
- Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык. Томск: Изд-во НТЛ, 1996. 187 с.

- Кафка Ф. Превращение. URL: http://knigger.org/kafka/about/die_verwandlung (дата обращения: 05.07.2014).
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 408 с.
- Ким А. А. О некоторых способах классификации сюжетов и героев народных сказок // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 1 (52). С. 117–120.
- Ким-Малони А. А., Байдак А. В. Принципы номинации селькупских посмертных жилищ в культурном контексте // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 7 (97). С. 88–93.
- Метаморфозы. Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Метаморфозы> (дата обращения: 06.07.2014).
- Мифология селькупов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 382 с.
- Мифы народов мира. URL: <http://www.mifinarodov.com/m/metamorfozyi.html> (дата обращения: 06.07.2014).
- Овидий Публий. Метаморфозы. URL: http://ModernLib.ru/books/nazon_publiy_ovidiy/metamorfozi/read/ (дата обращения: 07.07.2014).
- Полевые записи фонда лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ / сост. Н. П. Максимова. Томск: ТГПУ, 1983. Т. 60. С. 147–148.
- Полякова Н. В. Заветные места в картине мира селькупов // Альманах современной науки и образования. 2011. № 10 (53). С. 157–159.
- Розенталь Д. Э. Справочник по стилистике русского языка. М.: Айрис-Пресс, 2013. 496 с.
- Русские народные сказки. Елена Премудрая. URL: <http://ocka3ke.ru/elena-premudraya> (дата обращения: 06.07.2014).
- Тучкова Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 2 (130). С. 205–208.
- Энциклопедия мифологии. URL: <http://mythology.info/> (дата обращения: 07.07.2014).
- Black M. More about metaphor // Metaphor and thought. Cambridge, 1979. Pp. 19–45.
- Black M. Models and metaphors: Studies in language and philosophy. Ithaca, 1962. 267 p.

Терещенко А. В., магистрант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: annadocuments1988@gmail.com

Материал поступил в редакцию 07.07.2014.

Tereschenko A. V.

INTERPRETATION OF THE STYLISTIC DEVICE OF METAMORPHOSIS: SELKUP FAIRY TALES AND WORLD MYTHOLOGY DATA

The article deals with the stylistic device *metamorphosis* and peculiarities of its representation in Selkup fairy tales and world mythology. Metamorphosis together with hyperbole and metaphor is one of the most ancient and effective stylistic devices that is widely used in different folklore and literature genres. In modern linguistics this stylistic device is not thoroughly investigated. Moreover, there is no common point of view on the nature, grounds and motivation of metamorphosis.

Every fairy tale and myth is a complex folklore work that contains all plot constituent parts, characters with their speech peculiarities, philosophic/instructive conclusions. Many aspects of fairy tales discourse need detailed linguistic study.

Selkup fairy tales (for example, folk tales of Narym Selkups, the Parabel region fairy tales) and different ethnic myths (Aztec, Native American, Greek) served as the basis for

linguistic research. During the analysis of folk and mythological plots the author determines ways, reasons, character and motivation of metamorphoses that happened with people/objects involved in the narration.

Metamorphoses have different functions in mythological and fairy tales discourse, i.e. the mean of plot-building, way of revealing hero's character or manner of creating emotional tension (climax).

The grounds of transformation can be the following: “magical escape” motive, motive of turning into stone, touching or eating magical things, putting on/off skin of birds/animals.

Metamorphoses that lead to the creation of animate as well as inanimate (toponyms, landscape parts) objects are considered in the article. The modern interpretation of metamorphosis in world literary tradition is analyzed.

Key words: *metamorphosis, stylistic device, the Selkup language, Selkup fairy tales, world mythology, folklore, transformation, plot, motive.*

References

- Arutyunova N. D. Metaphora i diskurs [Metaphor and Discourse]. *Teoriya metaphor* [Theory of metaphor]. Moscow, 1990. Pp. 5–32 (in Russian).
- Arutyunova N. D. Metaphora [Metaphor]. *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1990. Pp. 296–298 (in Russian).
- Baydak A. B. Sredstva vyrazheniya odushevlenosti / neodushevlenosti v selkupskom jazike [Means of expression animacy/inanimacy in the Selkup language]. *Tomsk State University Bulletin, Filology*, 2010, no. 338, pp. 7–12 (in Russian).
- Baydak A. V. Metafori i obraznije shemi v selkupskom jazike [Metaphors and image schemas in Selkup]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 2 (2), pp. 9–15 (in Russian).
- Bykonya V. V., Kim A. A., Kuper Sh. Ts. *Skazki narymskih selkupov: kniga dlja chtenija na selkupskom jazike s perevodami na russkij* [Fairy tales of Narym Selkups: book for reading in the Selkup language with translations into Russian]. Tomsk, NTL Publ., 1996. 187 p. (in Russian).
- Kafka F. *Prevrashchenije* [Transformation]. URL: http://knigger.org/kafka/about/die_verwandlung (Accessed: 5 July 2014) (in Russian).
- Meletinskij E. M. *Poetica mifa* [Poetics of the myth]. Moscow, School “Languages of Russian culture” Publ., 1995. 408 p. (in Russian).
- Kim A. A. O nekotoryh sposobah klassifikatsii suzetov i geroev narodnih skazok [About some ways of classification of folk tales plots and characters]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 1 (52), pp. 117–120 (in Russian).
- Kim-Maloney A. A., Baydak A. V. Printsipi nominatsii selkupskih posmertnih zilisich v kulturnom kontekste [Principles of the nomination of the Selkup posthumous lodgings in cultural context]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 7 (97), pp. 88–93 (in Russian).
- Metamorfozy. Enciklopedija simvoliki i geraldiki* [Metamorphoses. Encyclopedia of symbolism and heraldry]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Метаморфозы> (Accessed: 6 July 2014) (in Russian).
- Mifologija selkupov* [Mythology of Selkups]. Scientific ed. V. V. Naploskih. Tomsk, 2004. 362 p. (in Russian).
- Mifi narodov mira [Myths of people of the world]. URL: <http://www.mifinarodov.com/m/metamorfozyi.html> (Accessed: 6 July 2014) (in Russian).
- Ovidij Publij. *Metamorfozy* [Ovidius Publius. Metamorphoses]. URL: http://ModernLib.ru/books/nazon_publiy_ovidiy/metamorfozi/read/ (Accessed: 7 July 2014) (in Russian).

Polevije zapisi fonda laboratorii jazykov i narodov Sibiri TGPU [Field archive of the Department of Indigenous People of Siberia, TSPU] by N. P. Maximova. Tomsk, TSPU Publ., 1983. Vol. 60. Pp. 147–148 (in Russian).

Polyakova N. V. *Zavetnije mesta v kartine mira selkupov* [“Sacred places” in the worldview of the Selkups]. *Almanac of modern science and education*, 2011, no. 10 (53), pp. 157–159 (in Russian).

Rozental D. E. *Spravochnik po stilistike russkogo jazyka* [Reference book on the stylistics of the Russian language]. Moscow, Iris-Press Publ., 2013. 496 p. (in Russian).

Russkije narodnye skazki. Elena Premudraya [Russian folk tales. Elena Premudraya]. URL: <http://ocka3ke.ru/elena-premudraya> (Accessed: 6 July 2014) (in Russian).

Tuchkova N. A. *Folklornye teksty s geroem Itya v sobranii A. I. Kuzminoj* [Folklore stories of Itya in the archive of A. I. Kuzmina]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 2 (130), pp. 205–208 (in Russian).

Enciclopedija mifologii [Encyclopedia of Mythology]. URL: <http://mythology.info/> (Accessed: 7 July 2014) (in Russian).

Black M. *More about metaphor. Metaphor and thought*. Cambridge, 1979. Pp. 19–45.

Black M. *Models and metaphors: Studies in language and philosophy*. Ithaca, 1962. 267 p.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: annadocuments1988@gmail.com

Шестера Е. А.

ИНТОНАЦИОННЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И МЕЛОДИКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ТЕЛЕУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается интонация высказываний телеутского языка на примере высказываний: Кижѝ эзенѝт. – ‘Человек думает’. – [kiz̩i ez̩ɛnj̩t], Салкын каакѝт. – ‘Ветер дует’. – [salk̩n qa: qj̩t], Кижѝ эзенѝт па? – ‘Человек думает?’ – [kiz̩i ez̩ɛnj̩t pa], Салкын каакѝт па? – ‘Ветер дует?’ – [salk̩n qa: qj̩t pa], Неденааре кижѝ эзенѝт? – ‘О чем человек думает?’ – [nɛdɛna:ɾɛ kiz̩i ez̩ɛnj̩t], Каани салкын каакѝт? – ‘Куда ветер дует?’ – [ka:nI salk̩n ka:qj̩t], произнесенных десятью дикторами-носителями телеутского языка, проживающими в с. Беково Беловского района Кемеровской области.

Помимо аудиовизуального метода и компьютерной обработки звукового сигнала в программах Speech Analyzer 3.01 и Wave Assistant, в работе учитывалось субъективное восприятие носителей языка.

Ключевые слова: *тюркские языки, телеутский язык, интонация, мелодика, языковые универсалии, восприятие речи.*

Интонация тюркских языков Южной Сибири изучена чуть слабее, чем их вокализм и консонантизм, а в некоторых случаях не имеет описания и вовсе, например: тубинского, чалканского, алтайского, а также калмакского и др.

Актуальной задачей для исследователей является определение специфики интонационных систем тюркских языков Южной Сибири в высказываниях различных коммуникативных типов и установление их места в типологической классификации сибирских языков.

Под интонацией в узком смысле понимается мелодика, а именно направление, форма, регистр (или тональный уровень) контура частоты основного тона высказывания и отдельных его участков (Бондарко, 1998). Ряд западных исследователей (O’Connor J. D., 1973; Ladd R., 1985; Toivanen J. H., 1999; Pierrehumbert J., 1979 и др.) под интонацией подразумевают только мелодику. Такое разночтение в определениях интонации связано с тем, что проявления разных интонационных параметров совпадают, а учитывая то, что частота основного тона оформляет коммуникативный тип высказывания, ей уделяется приоритетное внимание.

Наше исследование было направлено на верификацию гипотезы о том, что интонация телеутского языка соответствует теории «интонационных универсалий», выдвинутой зарубежными фонетистами для типологической классификации языков по интонационным параметрам и в связи с созданием моделей для синтеза речи (Fujisaki H., 2005; Thorsen N., 1980).

Во многих исследованных языках в завершенных повествовательных высказываниях, произнесенных изолированно, реализуется деклинация (понижение ЧОТ), а в вопросительных – инклинация (повышение ЧОТ) (Chen, 2005), (Hirst, Cristo di., 1998).

Согласно интонационной модели Н. Fujisaki (Fujisaki H., 2005), контур основного тона состоит из двух компонентов:

1) варьируемый фразовый компонент, который может иметь небольшое повышение и затем постепенно понижается в соответствии с линией деklinации, но может слегка повышаться на синтаксических границах;

2) локальные пики, соответствующие ударным слогам слов в предложении.

Данная интонационная модель включает:

1) фразовые команды – ряд импульсов, фразовые компоненты – реакция вторичной (с уменьшенной амплитудой колебаний) системы на эти команды;

2) акцентные команды – ряд постепенно действующих функций, акцентные компоненты – реакция другой вторичной системы на эти команды;

3) акцентные компоненты накладываются на фразовые и порождают изменения основного тона.

Интонационная модель Н. Fudjisaки применялась ко многим языкам. На материале немецкого языка было определено, какие параметры интонационной модели Н. Fudjisaки наиболее важны для классификации типов предложений. В его эксперименте (Fudjisaки Н. 1995) проверялось, в какой зависимости находится восприятие типа предложения от места и амплитуды акцентных команд. В частности, акцентная команда T2 (тон в конце ударного гласного) (accent command offset time) определяет, воспринимается ли высказывание как повествовательное или незаконченное, акцентная амплитуда (accent command amplitude) – как незаконченное или вопросительное, т. е. типы высказываний реализуются и воспринимаются в зависимости от заданных параметров интонационной модели.

В интонационной модели N. Thorsen датского языка движение ЧОТ на безударных слогах определяется как нисходящее, но первые слоги, следующие за ударным, могут характеризоваться восходяще-нисходящим или восходящим движением ЧОТ в зависимости от положения слога по отношению к пику ЧОТ. Краткие гласные имели нисходящее движение ЧОТ, длинные гласные – восходяще-нисходящее с более значительным понижением. На основании этого движение ЧОТ на ударных слогах определяется формой интонационного контура, при этом наблюдается тенденция положительной корреляции между движением ЧОТ на гласном и наклоном интонационного контура (чем менее крутой наклон, тем в меньшей степени ударный гласный произносится на нисходящем тоне). Таким образом, движение ЧОТ на гласном может являться признаком изменения интонационного контура высказывания. Отсюда ударные слоги в высказывании оказываются перцептивно важными, и интонационные контуры различаются по движениям ЧОТ не только на последних слогах высказывания, но и по движениям ЧОТ на слогах в начале высказывания. Анализ восприятия предложений датского языка, различающихся только направлением движения тона, в исследовании N. Thorsen показал: повествовательные предложения имели более крутой наклон линии деklinации, чем синтаксически немаркированные вопросительные высказывания. Незавершенные повествовательные высказывания не характеризовались конечным понижением ЧОТ. Параметры, которые были наиболее важны для определения типа предложения – это уровни ЧОТ на ударном и следующих за ним безударных слогах. Специфика датского языка заключается в том, что все слоги являются одинаково выделенными, в отличие от английского и шведского

языков, в которых наиболее выделенным является ударный слог интонационного центра (Thorsen N., 1980).

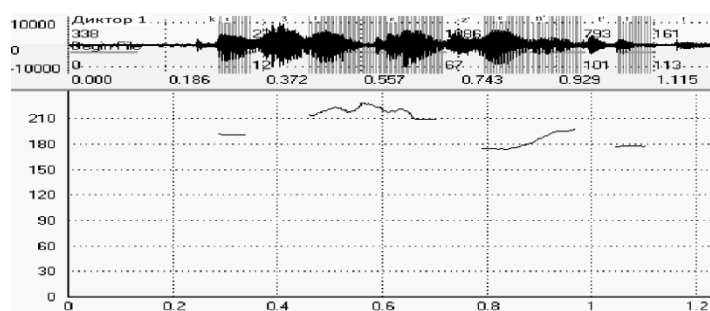
Проверяя нашу гипотезу об универсальности отсутствия понижения общего контура ЧОТ в вопросах, мы также внимательно изучили характер выделенности слогов в высказываниях для сопоставления с результатами N. Thorsen о необязательном присутствии интонационного центра (Thorsen N., 1980).

В работе рассматривалась интонация высказываний телеутского языка: Кижэ эзенжит. – ‘Человек думает’ – [kiz̩i ez̩ɛnjit], Салкын қаақжит. – ‘Ветер дует’ – [salkɯn qa: qj̩t], Кижэ эзенжит па? – ‘Человек думает?’ – [kiz̩i ez̩ɛnjit pa], Салкын қаақжит па? – ‘Ветер дует?’ – [salkɯn qa: qj̩t pa], Неденааре кижэ эзенжит? – ‘О чем человек думает?’ – [nɛdɛna:ɾɛ kiz̩i ez̩ɛnjit], Каани салкын қаақжит? – ‘Куда ветер дует?’ – [ka: ni salkɯn qa: qj̩t], произнесенных десятью дикторами-носителями телеутского языка, проживающими в с. Беково Беловского района Кемеровской области.

Помимо аудиовизуального метода и компьютерной обработки звукового сигнала в программах Speech Analyzer 3.01 и Wave Assistant, учитывалось субъективное восприятие носителей языка.

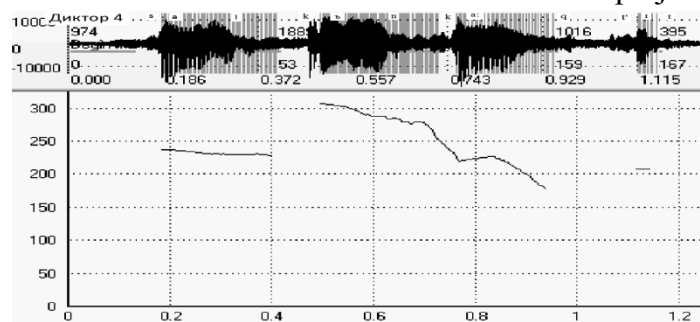
Диктор 1. Кижэ эзенжит. ‘Человек думает’

к̩ з̩ ɛ z̩ ɛ n̩ j̩ ɛ t

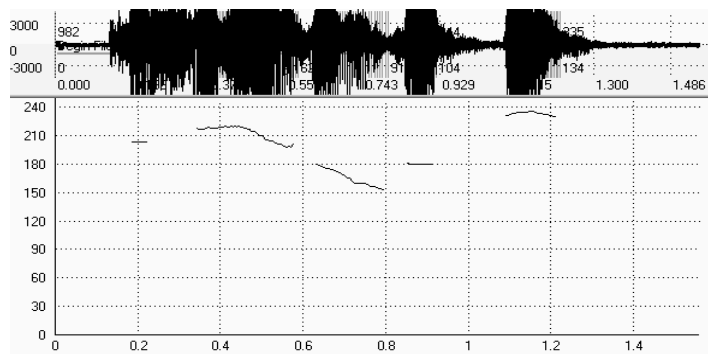
Диктор 4. Салкын қаақжит ‘Ветер дует’

s a l k ɯ n k a : q j̩ t

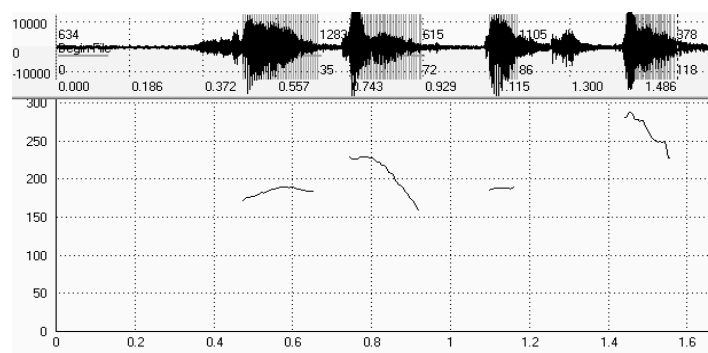
Диктор 1. Кижѝ эзенѝт ба? 'Человек думает?'

к ъ з ъ э з э п ѝ э т р а

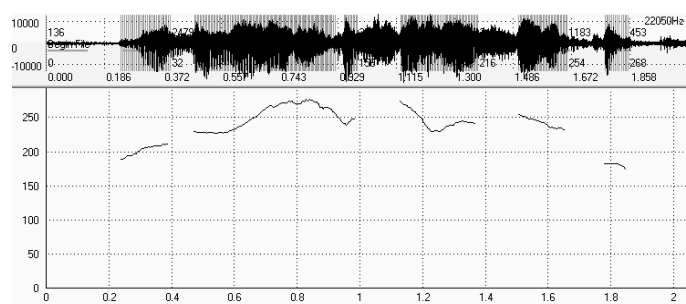
Диктор 2. Салқын қаақѝт па? 'Ветер дует?'

с а л к ъ п к а : қ ѝ т р а

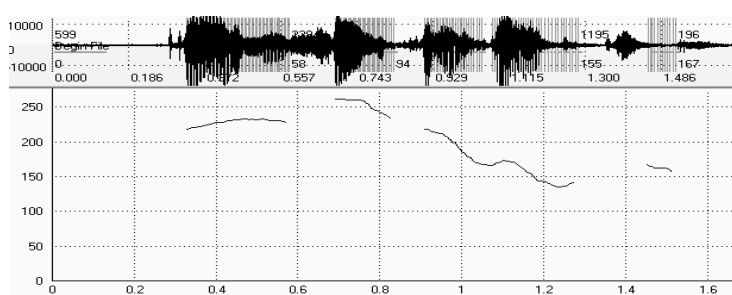
Диктор 3. Неденааре кижѝ эзенѝт? 'О чем человек думает?'

н э д е н а а р е к ѝ з ѝ э з е н ѝ т

Диктор 4. Каани салқын қаақѝт? 'Куда ветер дует?'

к а : н ѝ с а л к ъ п ѝ а : р ѝ т

Основные особенности, которые можно наблюдать при сопоставлении графиков ЧОТ телеутских высказываний в произнесении носителей языка, заключаются в следующем:

1) восходяще-нисходящий рисунок частоты основного тона в утвердительном высказывании и специальном вопросе и восходяще-нисходяще-восходящий рисунок ЧОТ в общем вопросе, что можно объяснить проявлением лингвистической универсалии;

2) большая вариативность контура ЧОТ в специальном вопросе и восходяще-нисходяще-восходящий рисунок ЧОТ (а не восходящий контур ЧОТ, согласно теории об интонационных универсалиях) в общем вопросе, возможно, является акцентной чертой телеутского языка;

3) для интонации телеутского языка важны не только направление и форма мелодического контура высказывания, но и регистр – тональный уровень, в котором произносятся отдельные слоги.

Таким образом, видим, что мелодический рисунок в вопросах в большей степени выражает уникальность интонации телеутского языка. Интересным представляется частичное совпадение данного вывода с такой же особенностью фразовой мелодики в славянских языках: так, Т. М. Николаева считает, что общий вопрос, переспрос, незавершенность наиболее ярко выражают интонационную специфику разных славянских языков (Николаева, 1977).

В ареально отдаленном и неродственном телеутскому хантыйском языке общие и специальные вопросы оформляются восходяще-нисходящим контуром ЧОТ, в отличие от повествовательных предложений, которые характеризуются в большей степени нисходящей мелодикой. Разница в интонации между данными видами вопросов состоит в выборе акцентного пика в связи с определением прагматического статуса значимых компонентов, составляющих высказывание (Фильченко, 2011). В телеутском языке восходяще-нисходящий просодический рисунок наблюдается в разных коммуникативных типах (повествовательном предложении и специальном вопросе), что, возможно, говорит об ином соотношении синтаксического и прагматического уровней языка и/или необходимости учитывать все интонационные параметры при рассмотрении вероятного прагматического фокуса.

Как показывает исследование М. Рясянена (Рясянен, 1955), выполненное на большом количестве работ по тюркскому ударению, в данных языках соотношение параметров длительности и интенсивности с мелодикой может быть объяснено какой-либо закономерностью с большим трудом. Например, некоторые тюркологи отмечают помимо главного экспираторного второе музыкальное (или тоническое) ударение (по происхождению более древнее). В. В. Радлов считал, что в тюркских языках два музыкальных ударения: восходящее на первом слоге и «полное понижение тона» – на последнем. Конечное музыкальное ударение наиболее ясно выражено в юго-восточных диалектах казахского языка (цит. по: (Рясянен, 1955)).

В таких языках, как хакасский (Бичелдей, 2001), теленгитский диалект алтайского (Герцог, 1986), телеутский, татарский, горно-башкирский, чувашский, фонетистами было выявлено частотное отношение обратной пропорциональности пиков интенсивности и частоты основного тона. У. Ш. Байчура отмечает, что для татарского, горно-

башкирского и чувашского данная особенность встречается в периферийных областях (Байчура, 1962).

Таким образом, при описании интонации тюркских языков Южной Сибири возникают сложности, которые обусловлены применением узкого подхода к изучению интонации: фиксируются несовпадения интонационных параметров при произнесении высказываний. В связи с чем узкий подход к интонации не представляется универсальным, т. е. применимым к любому языку.

Вероятно, вышеприведенные выводы относятся и к восприятию языка: говорящий может слышать то, что он ожидает услышать в плане принятия решений об интонации высказывания. Например, американский исследователь J. Pierrehumbert установила на материале повествовательных предложений американского варианта английского языка, что восприятие понижения основного тона аудитором и акустические параметры могут не совпадать благодаря ожидаемому нисходящему контуру (Pierrehumbert J., 1979).

Список литературы

- Байчура У. Ш. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1962.
- Бичелдей К. Н. Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. М., 2001.
- Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
- Герцог О. Ф. Ритмомелодика собственно-повествовательных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986.
- Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Фильченко А. Ю. Просодика и прагматика восточно-хантыйских нарративов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 9 (111). С. 139–145.
- Chen A. Universal and language-specific perception of paralinguistic intonational meaning. URL: <http://www.lotpublications.nl/publish/articles/001170/bookpart.pdf> (дата обращения: 27.03.2013).
- Haan J., van Heuven V., Pacilly J., van Bezooijen R. Intonational characteristics of declarativity and interrogativity in Dutch: a comparison // Intonation: theory, models and applications. Athens, 1997.
- Hirst D., Cristo A. di. Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages. Cambridge, 1998.
- Fujisaki H. The interplay between Physiology, Physics and Phonetics in the production of Tonal Features of Speech of Various Languages (model for the processing of fundamental frequency control of speech) (Invited Paper), Proceedings of 10th International Conference on Speech and Computer, Patras, Greece (October 2005).
- Fujisaki H. Production and perception of statement, question and non-terminal intonation in German // ICPHS, 1995, vol. 2.
- Ladd R. Evidence for the independent function of intonation contour type, voice quality, and F0 range in signaling speaker affect // J. Acoust. Soc. Am. 78 (2), August 1985.
- O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of Colloquial English. L., 1973.
- Pierrehumbert J. The perception of fundamental frequency declination // J. Acoust. Soc. Am. 66 (2), August 1979.
- Thorsen N. A study of the perception of sentence intonation – evidence from Danish // J. Acoust. Soc. Am. 67 (3), March, 1980.
- Toivanen J. H. Perspectives on Intonation: English, Finish and English Spoken by Finns. Oulu, 1999.

Шестера Е. А., преподаватель, аспирант.

Новосибирский государственный технический университет.

Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630073.

E-mail: elena-schestera@mail.ru

Материал поступил в редакцию 09.07.2014.

Shestera E. A.

INTONATION UNIVERSALS AND PROSODY OF UTTERANCES OF THE TELEUT LANGUAGE

The intonation of the Teleut utterances is under consideration in this work: Кижѝ эзенѝт. – ‘The man thinks’. – [kʲɪzʲɪ ɛzɛnʲɪt] Салкын каакѝт. – ‘The wind blows’. – [salkʲɪn qa:qʲɪt], Кижѝ эзенѝт па? – ‘Does the man think?’ – [kʲɪzʲɪ ɛzɛnʲɪt pa], Салкын каакѝт па? – ‘Does the wind blow?’ – [salkʲɪn qa:qʲɪt pa], Неденааре кижѝ эзенѝт? – ‘What does the man think about?’ – [nɛdnɑ:rɛ kʲɪzʲɪ ɛzɛnʲɪt], Каани салкын каакѝт? – ‘Where does the wind blow?’ – [ka:nɪ salkʲɪn ka:qʲɪt], which were pronounced by 10 Teleut speakers, who live in the village Bekovo, Belovo district, Kemerovo region.

We analyzed the phrases by help of computer programs Speech Analyzer 3.01 and Wave Assistant using audiovisual method and relying on speaker’s perception.

Key words: *Turk languages, the Teleut language, intonation, speech prosody, linguistic universals, speech perception.*

References

- Baichura U. Sh. *Zvukovoj stroj tatarskogo yazyka v svyazy s nekotorymy drugimy tyurkskimy i finno-ugorskimy yazykamy*. Abstract of thesis dis. dokt. of filol. sci. [Phonetics of Tatar in comparison with other Turkic and Finno-Ugric languages. Abstract of doctoral dissertation]. Moscow, 1962 (in Russian).
- Bicheldej K. N. *Leksiko-grammaticheskie i ritmomelodicheskie sredstva vyrazhenia voprositelnosty v khakasskom yazyke* [Lexico-grammatical and rhythmelodical features of coding the interrogative senses in Khakass]. Moscow, 2001 (in Russian).
- Bondarko L. V. *Fonetika sovremennogo russskofo yazyka* [Phonetics of modern Russian]. Saint Petersburg, 1998 (in Russian).
- Gertsog O. F. *Ritmomelodika sobstvenno-povestvovatelnyh predlozhenij telengitskogo dialekta altaiskogo yazyka // Foneticheskie struktury v sibirskih yazykah*. [Rithmmelodics of indicative affirmative sentences of the Telengit dialect of Altai language]. Novosibirsk, 1986 (in Russian).
- Nikolaeva T. M. *Frazovaja intonatsia slavyanskih yazykov* [Phrasal intonation in Slavic languages]. Moscow, 1977 (in Russian).
- Ryasyanen M. *Materialy po istoricheskoy fonetike tyurkskih yazykov* [Materials on historical phonetics of Turkic languages]. Moscow, 1955 (in Russian).
- Filchenko A. U. Prosodika i pragmatika vostochno-hantyiskih narrativov [Prosody and pragmatics in Eastern Khanty narratives]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, no. 9 (111), pp. 139–145 (in Russian).
- Chen A. *Universal and language-specific perception of paralinguistic intonational meaning*. URL: <http://www.lotpublications.nl/publish/articles/001170/bookpart.pdf> (Accessed: 27 March 2013).
- Haan J., van Heuven V., Pacilly J., van Bezooijen R. Intonational characteristics of declarativity and interrogativity in Dutch: a comparison. *Intonation: Theory, Models and Applications*. Athens, 1997.
- Hirst D., Cristo A. di. *Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages*. Cambridge, 1998.

Fujisaki H. *The Interplay between Physiology, Physics and Phonetics in the Production of Tonal Features of Speech of Various Languages (model for the processing of fundamental frequency control of speech)* (Invited Paper), Proceedings of 10th International Conference on Speech and Computer, Patras, Greece (October 2005).

Fujisaki H. *Production and perception of statement, question and non-terminal intonation in German*. ICPhS, 1995, vol. 2.

Ladd R. Evidence for the independent function of intonation contour type, voice quality, and F0 range in signaling speaker affect. *J. Acoust. Soc. Am.* 78(2), August 1985.

O'Connor J. D., Arnold G. F. *Intonation of Colloquial English*. London, 1973.

Pierrehumbert J. The perception of fundamental frequency declination. *J. Acoust. Soc. Am.* 66 (2), August 1979.

Thorsen N. A study of the perception of sentence intonation – evidence from Danish. *J. Acoust. Soc. Am.* 67 (3), March, 1980.

Toivanen J. H. *Perspectives on intonation: English, Finish and English spoken by finns*. Oulu, 1999.

Novosibirsk State Technical University.

Pr. K. Marksa, 20, Novosibirsk, Russia, 630073.

E-mail: elena-schestera@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЯ

Грошева Г. В.

НЕМЕЦКИЙ ДИСКУРС О ПРОШЛОМ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НЕМЦЕВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI В.)¹

Показано непосредственное влияние проблемы преодоления исторического прошлого на трансформацию национального и формирование европейского уровней идентичности немцев. Эволюция концепта немецкой нации и исторической политики до и после объединения Германии рассматривается в тесной взаимосвязи с процессом конструирования европейской идентичности, главными акторами которого выступают немецкая интеллектуальная элита и государство. Отмечаются особенности указанных процессов у западных и восточных немцев и влияние на эти процессы фактора мировой общественности.

Ключевые слова: *национальная идентичность немцев, немецкая нация, европейская идентичность немцев, историческая память, историческая политика.*

Среди комплекса насущных вопросов, волнующих как представителей интеллектуальной элиты, так и рядовых граждан Германии, занимающей активную позицию в процессах европейской интеграции, являются вопросы о том, что представляет собой современная немецкая нация и кем являются немцы по самоощущению: насколько важен и чем обусловлен для них выбор между национальной и европейской идентичностью. «Жить объединенно, на более выгодных общих условиях и сохранить свою национальную идентичность, уникальность своей страны с ее традициями и обычаями – в этом противоречии и заключается проблема и ее актуальность», – пишет Л. В. Ананова о проблеме самоопределения граждан современных европейских стран (Ананова, 2007: 99). Для немцев это не только и не столько вопрос выгоды, это прежде всего проблема экзистенциального выбора, отягченного «грузом» исторического прошлого.

Проблемы современного состояния немецкой нации, трансформации национальной и формирования европейской идентичности немцев получили освещение в работах таких отечественных авторов, как Б. С. Орлов (2012), О. М. Тюкаркина (2012), Е. Л. Кауганов (2013), А. С. Кириллина (2013) и др. В статьях Е. Л. Кауганова и О. М. Тюкаркиной, в частности, представлена периодизация формирования послевоенной немецкой идентичности, основанная на понимании немецкой нации как этнокультурной общности и обращении к проблемам нацистского прошлого и «разделенной нации» в период существования ГДР и ФРГ. Особое внимание вопросу о влиянии исторической памяти и исторической политики в Германии второй половины XX – на-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

чала XXI в. на формирование национальной идентичности немцев уделяется в работах германских исследователей Б. Бонвеча (2007), П. Шульце (2007), Ш. Бергера (2012), Ю. Шерера (2012) и др.

Результаты анализа ряда работ российских и немецких авторов по теме исследования показывают, что понимание проблемы соотношения национального и европейского уровней идентичности современных немцев не может быть полным без рассмотрения вопроса об отношении в германском обществе к проблеме исторической преемственности. Именно этот сюжет и стал предметом самостоятельного изучения в рамках представленной статьи.

Исторические корни современных проблем самосознания немецкой нации были заложены еще в середине XX в. и связаны с крахом режима Третьего рейха и поражением Германии во Второй мировой войне, повлекшими за собой процессы трансформации национальной идентичности немцев. В послевоенной Германии, в соответствии с политикой денацификации, тема национального попадает в разряд «табу»; в германском обществе происходит отход от идеи особого немецкого пути, наблюдается потеря позитивного самообраза. «Духовно все находились в „ничьей стране“: старое еще не стало достаточно далеким, а новое еще не пришло», – пишет Б. Бонвеч (Бонвеч, 2005: 10).

Ситуация осложняется после раскола страны и образования двух немецких государств (ФРГ и ГДР) и деления нации на восточных и западных немцев. Немецкая нация переживает сильнейший кризис, связанный с утратой идентичности. Как отмечает П. Шульце, «после 1949 года возникло нежелание быть немцем: понятия *немецкости* не существовало. Место национальной идентичности было вакантным в системе символов и норм» (Шульце, 2007: 182). В ситуации идеологического вакуума «денацифицированные» западные немцы нашли выход в обращении к европеизму; они стали чаще всего говорить о себе как о европейцах, как о космополитах и только затем как о немцах. По мнению исследователя, в европеизме немцы прятали свою идентичность, «скомпрометированную фашизмом» (Шульце, 2007: 181).

Под знаком вытеснения вины и забвения прошлого находились и восточные немцы, приступившие под жестким идеологическим контролем к строительству «немецкой социалистической нации». ГДР рассматривала себя исключительно как антифашистское государство. «Вопрос о геноциде не ставился. Он не соответствовал представлениям, заложенным борцами Сопротивления в „Клятве Бухенвальда“, но прежде всего не укладывался в политическую легитимационную концепцию, которой следовало советское руководство, а позднее и лидеры ГДР» (Флакке, Шмигельт, 2005: 134). Расчленение страны делит немецкую нацию на две непримиримые, с идеологической точки зрения, части. С течением времени раскол нации усугублялся; уже в 1972 г. на вопрос «Что Вы считаете важнейшей проблемой, которой необходимо заниматься в ФРГ?» лишь 1 % западных немцев ответили – «воссоединение» (Кроненберг, 2007: 28).

В послевоенное время наиболее интенсивно вопрос о влиянии исторического прошлого и исторической памяти немцев на формирование концепта немецкой нации разрабатывался в западногерманском обществе, в среде научной и политической эли-

ты. Этот процесс получил широкое освещение в российской историографии. Как показывает Е. Кауганов, становление послевоенной немецкой идентичности в Западной Германии до начала 1960-х гг. проходило под знаком стратегии замалчивания, вытеснения и «защиты» от «коллективной вины»; акцентировался собственный статус «жертвы», внимание сосредотачивалось на собственных лишениях, страданиях и нужде. Последующий период, продолжавшийся до 1985 г., характеризовался возрастанием самокритики, ужесточением мер по отношению к нацистским преступникам в виде публичных судебных процессов; культивированием чувств коллективной вины и стыда по отношению к своей недавней истории. Третий период, продолжающийся, по мнению ученого, до настоящего времени, характеризуется радикальным повышением значения дискурса «прошлого» в современном германском обществе (Кауганов, 2013: 60–62).

Начало третьего периода исследователи связывают с разгоревшимся в ФРГ «Споре историков» («Historikerstreit», 1986–1987) о переосмыслении прошлого, «вопроса о вине», о немецкой ответственности. Своеобразным импульсом к дебатам, в которых приняли участие ведущие политики, интеллектуалы и гражданские активисты, пишет Е. Лёзина, послужила программа «нормализации», провозглашенная в 1983 г. канцлером Г. Коелем, который заявил о своем намерении осуществить в немецком обществе «морально-нравственный поворот» (geistig-moralische Wende). Суть этого поворота состояла в обретении западногерманским обществом «здоровой» национальной идентичности и освобождении от «бремени» неудобного прошлого. Согласно логике нового канцлера и части неоконсерваторов, вступивших в борьбу за нормализацию западногерманского исторического сознания в начале 1980-х гг., новые поколения немцев, не несущие прямой ответственности за преступления нацистского режима не должны носить на себе клеймо Аушвица (Лёзина, 2013).

Собственно сам спор историков разразился в первой половине 1986 г., когда в западногерманской печати появилось несколько публикаций консервативных историков – Эрнста Нольте и его сторонников Михаэля Штюрмера, Андреаса Хиль-грубера и др. – настаивавших на идентификации с национальной, а не европейской историей и на историзации периода Третьего рейха. Главным аргументом противников консервативной политики нормализации стал тезис о недопустимости релятивизации холокоста как центрального события немецкой истории. Юргенд Хабермас и его сторонники – историки Мартин Брошат, Ханс-Ульрих Велер, Генрих Винклер, Эберхард Йекель, Юрген Кокка, Ханс Моммзен и др. – настаивали на том, что именно перемещение осознания Катастрофы в центр коллективной идентификации немцев послужило демократизации западногерманской политической культуры и способствовало превращению Федеративной Республики в открытое современное общество. Ю. Хабермас, один из самых известных и наиболее ожесточенных противников любого стремления к забвению «прошлого», разрабатывает концепцию «конституционного патриотизма». Эта концепция подразумевает формирование постнациональной модели идентичности, основанной не на этнокультурных и исторических факторах, а на универсалистских принципах правового государства и ценностей европейской демократии. «Для нас в ФРГ, – отмечает Ю. Хабермас, – конституционный патриотизм среди прочего оз-

начает еще и гордость за то, что нам удалось на длительный срок преодолеть фашизм, установить строй правового государства и укоренить его в полулиберальной политической культуре (Хабермас, 2003: 87–88). Необходимо отметить, что концепт постнациональной модели немецкой нации основан не на забвении негативного прошлого, а на его преодолении посредством «проработки».

Падение Берлинской стены в 1989 г. и объединение Восточной и Западной Германии в 1990 г. сопровождалось новым кризисом национального самосознания, вновь поставило перед немцами сложную проблему самоопределения и положило начало нового этапа трансформации немецкой национальной идентичности. Эти события (не без участия внешнеполитического фактора, о чем будет сказано ниже) актуализировали в Германии общественный интерес к Третьему рейху и холокосту. Но и прошлое ГДР, сразу же после объединения страны, стало объектом исторической политики. «Запаздывание старой ФРГ в проработке „первой немецкой диктатуры“ в 1950-е гг. не должно было повториться в случае с диктатурой ГДР. „Гэдээровское прошлое“, – пишет Ю. Шерер, – как бы накладывалось на прошлое национал-социализма и позволяло сблизить одно с другим» (Шерер, 2012: 486–487). В объединенной Германии формируется новая культура памяти и воспоминаний о советской оккупационной зоне в Германии и ГДР как неправовом государстве. Снова вошло в оборот выражение «правосудие победителей», но на этот раз победителями были представители того же народа, западные немцы. По мнению Ю. Шерер, в 1990 г., как и в 1945 г., старшее поколение было дезориентировано, для них это была «вторая нулевая точка»; общество ГДР, потерпевшее крах, не могло сразу освободиться от наследия диктатуры СЕПГ (Шерер, 2012: 487).

События 1990 г. вызвали в Германии волну дискуссий о поиске новой идентичности; четко определились два подхода к толкованию новой немецкой идентичности: с точки зрения гражданской нации (*Staatstriirgernation*) и «народной нации» (*Volksnation*). Если западную интеллигенцию продолжали волновать теоретические построения возможной немецкой идентичности как постнациональной, то для восточной важнее было осознание себя как части единого немецкого народа, признание социокультурной и этнической общности с западными немцами (Коротецкая, 2012: 95).

Сторонники объединения в Восточной Германии вели активную политическую пропаганду, которая была основана на идее о том, что выбор социалистического пути оказался губительным для ГДР. Они использовали лозунг «Мы – один народ», который был обращен к западногерманскому населению и правительству ФРГ. Таким образом, как показывает В. Ю. Садовская, опора на историческую память позволила придать идее единства новое звучание; была обозначена цель воссоздания общенемецкой нации (Садовская, 2011). Однако призывы к объединению нации наталкивались на негативную и скептическую реакцию со стороны Западной Германии, где восточных немцев обвиняли в разрушении концепции постнациональной идентичности, ориентированной на общеевропейские политические и культурные ценности (Коротецкая, 2012: 95).

Именно отличия в восприятии германской истории и понимании сущности культуры между объединившимися частями Германии продолжают оставаться одним из наи-

более значимых факторов, препятствующих созданию однородной культурно-цивилизационной среды на всей территории современной ФРГ (Тюкаркина, 2012). Эта мысль четко прослеживается в работах германских исследователей, отмечающих, что спустя два десятилетия процесса трансформации и интеграции между Западной и Восточной Германией приходит понимание того, немцы еще не являются по настоящему объединенным народом (единой нацией), что «внутреннее единство Германии – это долгосрочный, психосоциальный процесс, в котором речь идет прежде всего о вскрытии и изменении глубоких ментальных и эмоциональных характеристик» (Хайдеман, 2010: 285). Процесс интенсивного «сращивания» восточных (ossi) и западных (wessi) немцев затянулся. У части восточных немцев появилась ностальгия по ГДР (Ostalgie). Однако, несмотря на трудности, ни восточные, ни западные немцы не хотят «возвращения Стены». В старых федеральных землях испытующих такое желание 6 %, в новых – 5 % (Хайдеман, 2010: 287), что позволяет констатировать стремление немцев к национальному единению.

Проблема соотношения национальной и европейской идентичностей, актуализировавшаяся в объединенной Германии, приобрела, как было отмечено выше, и международное измерение. У политиков Западной Европы появились опасения, что объединение Германии подорвет стабильность международной обстановки и будет чревато угрозой для их безопасности; а новая, объединенная Германия со своим экономическим, военным и демографическим потенциалом может стать плодородной почвой для возрождения германского национализма. Германии вновь пришлось продемонстрировать приверженность общеевропейским ценностям и готовность к активному участию в процессах европейской интеграции. Будучи «локомотивом» европейской интеграции, подтверждая неизменность своего послевоенного политического курса и решительно отрицая любой особый «немецкий путь», ФРГ вынуждена постоянно подчеркивать свою готовность к дальнейшей интеграции в ЕС, вплоть до делегирования ему ряда полномочий суверенного государства (Погорельская, 2000: 91).

Актуализация проблемы национального самосознания в объединенной Германии под воздействием внутренних и внешних факторов не прошла бесследно: 1990-е гг. ознаменовались изменениями в исторической политике. Правоцентристы и левоцентристы, столкнувшись в споре историков в 1980-х гг., признали, что немецкое историческое сознание нуждается в некоторой ренационализации, при этом национал-социализм должен оставаться центральным пунктом немецкого исторического сознания, а достижения ФРГ после 1949 г. следует толковать как запоздалую, но успешную вестернизацию немецкого мышления. «Этот дискурс отражал взгляд на немцев как на нормальное общество, которое может обсуждать не только вопросы вины, но и вспоминать немецкие страдания без отказа от достигнутого широкого консенсуса по вопросу о немецкой ответственности» (Бергер, 2012: 52–53). Можно вполне согласиться с И. И. Глебовой, утверждающей, что «ФРГ продемонстрировала пример изменения роли памяти в легитимации политического строя, включения в нормативный фундамент ее коллективной идентичности темного, преступного прошлого. Это стало одним из оснований политического консенсуса, в рамках которого произошел отход от идеи

„особого немецкого пути“; немцам удалось интегрироваться в европейский мир и стабилизировать новую германскую демократию» (Глебова, 2006: 130).

По мнению ряда немецких ученых, «нормализация» Германии предполагает и административное равенство с остальными европейскими государствами, что в свою очередь форсирует необходимость самоопределения и самоидентификации. Согласно этой позиции, именно потому, что за последние пятьдесят лет немцы расширили свою идентичность за рамки национального государства, сегодня Германии необходимо осознать свои национальные интересы и начать реализовывать их в гармонии с общими ценностями. «Только новый баланс между атлантической цивилизацией, европейской интеграцией и нацией дает шанс выработать современную внешнеполитическую концепцию и повлиять на идентификацию граждан со своим государством и проводимой им внешней политикой», – утверждает Дитер Хенрих (цит. по: Коротецкая, 2012: 97). Как пишет Ш. Бергер, теперь цель немецкой исторической политики состоит в том, чтобы помочь немцам обрести «национальную нормальность», а «использование понятия нормальной нации должно, прежде всего, заверить самих немцев и весь остальной мир, что немцы могут размахивать национальными флагами, петь государственный гимн и гордиться тем, что они немцы, не ощущая при этом потребности немедленно вторгнуться в другие страны» (Бергер, 2012: 56–57).

В современной Германии начинает осуществляться достаточно осторожная политика консолидации нации. Так, с 1 сентября 2005 г. по всей Германии была проведена крупная государственная PR-кампания «Ты – Германия» («Du bist Deutschland»), приуроченная к чемпионату мира по футболу. Ведущие телевизионные каналы и крупнейшие печатные издания ФРГ до 1 февраля 2006 г. транслировали лозунги патриотического содержания. Вторая, не менее масштабная, PR-кампания «Германия – страна идей» («Deutschland – Land der Ideen») проводилась под патронажем президента ФРГ Х. Келера и по задумке авторов должна была продемонстрировать сильные стороны Германии и отличительные особенности немцев: богатство идей, страсть к творчеству, пророческое мышление (Рогожин, 2011: 102).

Все же «тень нацистского прошлого» с его идеологией расового превосходства вынуждает современных немецких политиков и ученых крайне осторожно обращаться к национальной проблематике. Примечательно то, что протесты против нового немецкого дискурса о прошлом звучали и звучат не только со стороны сторонников самоцензуры в самой Германии, но и за ее пределами. Например, план организации в Берлине Центра документации изгнания немцев из других стран Европы после войны вызвал крайне резкие протесты в Польше. Главный мотив – «нельзя позволить немцам отказаться от однозначной роли кающегося преступника» (Миллер, 2005: 72). Как отмечает А. Ассман, и ранее Германия не могла самостоятельно формировать национальную политику памяти. Она конструировала собственную национальную память в рамках западного или же восточного политического блока. После 1989 г. влияние мировой общественности на этот процесс не только не уменьшилось, а даже увеличилось. По мнению автора, между жертвами и преступниками появляется фигура новой «мировой общественности»: в мире глобальных СМИ и транснациональных организаций нация уже не может конструировать собственную память вне всякой критики, а главное, уже не может позволить

себе забывать о жертвах собственной истории» (Ассман, 2014: 121–124). Преодоление прошлого и формирование концепта немецкой нации остаются в современном германском обществе неразрывно связанными явлениями.

Таким образом, аналитический обзор работ отечественных и германских авторов, посвященных трансформации национального и формирования европейского уровней идентичности немцев во второй половине XX – начале XXI в., позволил проследить тесную взаимосвязь указанных процессов с отношением в немецком обществе к проблеме преодоления «недавнего прошлого». Наряду с вопросом о «коллективной вине» немецкого народа за преступления Третьего рейха, характерным для устоявшейся в отечественной историографии традиции, современные исследователи стали обращаться к сюжетам о «разделенной немецкой нации» в период существования двух немецких государств – ГДР и ФРГ. Включение этих сюжетов в рамки обозначенной в статье проблемы позволяет показать всю сложность и неоднозначность проблемы соотношения национальной и европейской идентичности немцев в контексте преодоления кризисов национального самосознания немцев.

Первый кризис возник в результате поражения Третьего рейха во Второй мировой войне и раскола немецкой нации в 1949 г. на западных и восточных немцев и сопровождался утратой общенациональной идентичности; второй – связан с проблемами воссоединения немецкого народа в 1990 г. в рамках современной ФРГ. Выход из первого кризиса для западных немцев был найден в «бегстве» от национальной идентичности, скомпromетированной нацистским прошлым и формировании европейской идентичности, для восточных – в построении «немецкой социалистической нации». Выход из второго кризиса, предполагающий решение проблем формирования общенациональной идентичности немцев в рамках объединенной Германии, был отягчен постановкой в немецком обществе вопроса о необходимости преодоления тоталитарного прошлого восточных немцев. Западные немцы видели решение проблемы преодоления «разделенного» прошлого в европеизме и формировании постнациональной модели идентичности; восточные – прежде всего в консолидации нации на этнокультурной основе.

В современной ФРГ формируется осторожная государственная политика, содействующая актуализации национальной идентичности немцев и консолидации немецкой нации в рамках универсалистских принципов правового государства и ценностей европейской демократии. Этот процесс имеет поддержку со стороны немецкой интеллектуальной элиты и находится под пристальным контролем мировой общественности.

Список литературы

- Ананова Л. В. Национальная идентичность в современной западноевропейской культуре // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 11 (74). С. 98–101.
- Арапина С. В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2232> (дата обращения: 05.01.2014).
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое лит. обозр., 2014. 328 с.
- Бергер Ш. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949–1982 // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М.: Новое лит. обозр., 2012. С. 33–60.

- Бонвеч Б. Вторая мировая война в национальной памяти Германии и России // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конф. рос. и нем. историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.): сб. статей / под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. М.: ДиректМедиаПабблишинг, 2007. С. 8–24.
- Глебова И. И. Травматическое прошлое и национальная политическая культура // Политическая наука. 2006. № 3. С. 114–139.
- Кауганов Е. Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: сборник / под ред. М. Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 11–73.
- Кириллина А. С. Европейская идентичность немцев // Дневник АШПИ. 2013. № 29. С. 210–216.
- Коротецкая Л. В. Особенности интеллектуального патриотического дискурса в Германии 1990-х годов // Полис. 2012. № 1. С. 92–99.
- Кроненберг Ф. Немецкая перспектива после катастрофы 1945 г.: нация, Основной закон, отечество // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конф. рос. и нем. историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.): сб. статей / под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. М.: ДиректМедиаПабблишинг, 2007. С. 25–34.
- Лёзина Е. Память, идентичность, политическая культура и послевоенная германская демократия // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). URL: www.strana-oz.ru/2013/6/pamyat-identichnost-politicheskaya-kultura-i-poslevoennaya-germanskaya-demokratiya (дата обращения: 05.01.2014).
- Миллер А. И. Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука. 2005. № 3. С. 66–75.
- Орлов Б. С. Проблемы идентичности в современной Германии // Аналит. обзор / Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки; отв. ред. В. П. Любин. М., 2012. 76 с.
- Погорельская С. Германия на рубеже веков. Некоторые аспекты европейской политики объединенной Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 89–95.
- Рогожин А. А. Проблема генезиса немецкого национального самосознания в контексте международных отношений: история и современность // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История. 2011. № 1 (19) С. 98–103.
- Садовская В. Ю. Роль социальной памяти в подготовке объединения Германии в конце XX века // Вестн. Ивановского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 20–26. URL: elibrary.ru/item.asp?id=17299461.
- Тюкаркина О. М. Немецкий вопрос и проблема формирования немецкой национальной идентичности // Мир и политика. 2012. № 12 (75). URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения: 05.01.2014).
- Флакке М., Шмигельт У. ГДР: Из мрака к звездам. Государство в духе антифашизма // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое лит. обозр. 2005. С. 118–134.
- Хабермас Ю. Границы неоисторизма. Беседа с Жаном-Марком Ферри // Хабермас Ю. Политические работы. М.: Изд. и консалт. группа «ПРАКСИС», 2003. С. 85–91.
- Хайдеман Г. Экономические, социальные и психологические аспекты объединения Германии спустя 20 лет: успехи и ошибки развития // Разрушение и возрождение в истории Германии и России: сб. ст. междунар. науч. конф. (г. Томск, 23–25 сентября 2009 г.). Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 7. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 285.
- Шульце П. Немецкий поиск национальной идентичности // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 177–184.

Грошева Г. В., кандидат исторических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 08.07.2014.

Grosheva G. V.

GERMAN DISCOURSE ABOUT THE PAST AND THE PROBLEM OF CORRELATION OF NATIONAL AND EUROPEAN IDENTITY OF GERMANS (SECOND HALF OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURIES)²

The relevance of the topic is defined by the ongoing discussions currently taking place in Germany on the correlation of national and European identity levels of Germans. The scientific novelty of the approach presented in the paper is defined by its addressing to the problem of attitude of the German society towards “the recent historical past” and its influence on the transformation of national self-consciousness of Germans within the frameworks of European identity formation. The conventional historiography considers the problem of German’s attitude towards “historical succession” while the author pays attention to the problem of “collective guilt” of German nation for the crimes of Third Reich, also considering the issues of “separated German nation” while existence of German Democratic Republic and Federal Republic of Germany.

The article demonstrates the direct influence of the problem of overcoming the historical past on the transformation of national and formation of European identity levels of Germans. The evolution of German nation concept and the concept of historical policy before and after separation of Germany is considered in a close relation with the process of building the European identity, German intellectual elite and government being its main actors. The specific properties of the mentioned processes are also peculiar to western and eastern Germans as well as the influence of world society on these processes.

The conclusion is made about the formation in present Federal Republic of Germany the careful policy of updating the national identity of Germans and consolidation of German nation within the frameworks of universal principles of legal state and values of European democracy.

Key words: *National identity of Germans, the German nation, European identity of Germans, historical memory, historical policy.*

References

- Ananova L. V. Natsional'naya identichnost' v sovremennoi zapadnoevropeiskoi kul'ture [National identity in modern Western-European culture]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2007, no. 11 (74), pp. 98–101 (in Russian).
- Arapina S. V. *Evropeiskaya identichnost': teoriya i praktika (nekotorye aspekty)* [European identity: theory and practice]. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2232> (Accessed: 05 January 2014).
- Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Per. s nem. Borisa Hlebnikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p. (in Russian).
- Berger Sh. *Istoricheskaya politika i natsional-sotsialisticheskoe proshloe Germanii, 1949–1982* [Historical policies and national-socialist past of Germany, 1949–1982]. *Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statei* [Historical policies in XXI century: Collection of papers]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. Pp. 33–60 (in Russian).
- Bonvech B. *Vtoraya mirovaya voina v natsional'noi pamyati Germanii i Rossii* [Second world war in the national memory of Germany and Russia]. *Poslevoennaya istoriya Germanii: rossiisko-nemetskii opyt i perspektivy: Materialy konferentsii rossiiskih i nemeckih istorikov (Moskva, 28–30 oktyabrya 2005 g.)*: Sbornik statei / pod red. B. Bonvecha i A.Yu. Vatlina [Post-war history of Germany: Russian-German experience and perspectives: Proceedings of the conference]. Moscow, DirektMediaPublishing Publ., 2007. Pp. 8–24 (in Russian).

² Performed within the project “People in the changing world. Problems of identity and social adaptation in the past and nowadays”. (Grant of the Russian Government No.14.B25.31.0009).

- Glebova I. I. Travmaticheskoe proshloe i natsional'naya politicheskaya kul'tura [Traumatic past and national political culture]. *Political science*, 2006, no 3, pp. 114–139 (in Russian).
- Kauganov E. L. Diskurs natsional'noi identichnosti v poslevoennoi Germanii [National identity discourse in post-war Germany]. *Ocherki o evropeiskoi identichnosti i mnogokul'turnosti: Sbornik / pod red. M.Yu. Martynovoi* [Surveys of European identity and multi-culturalism: Collection of papers. Ed. M.Yu.Martynova]. Moscow, IEA RAN Publ., 2013. Pp. 11–73 (in Russian).
- Kirillina A. S. Evropeiskaya identichnost' nemtsev [European identity of Germans]. *AShPI Daily*, 2013, no. 29, pp. 210–216 (in Russian).
- Korotetskaya L. V. Osobennosti intellektual'nogo patrioticheskogo diskursa v Germanii 1990-h godov [Features of intellectual patriotic discourse in Germany of 1990s]. *Polis*, 2012, no. 1, pp. 92–99 (in Russian).
- Kronenberg F. Nemetskaya perspektiva posle katastrofy 1945 g.: natsiya, Osnovnoi zakon, otechestvo [German perspective after the catastrophe of 1945: nation, basic law, fatherland]. *Poslevoennaya istoriya Germanii: rossiisko-nemetskii opyt i perspektivy: Materialy konferencii rossiiskih i nemetskih istorikov (Moskva, 28–30 oktyabrya 2005 g.): Sbornik statei / pod red. B. Bonvecha i A. Yu. Vatlina* [Post-war history of Germany: Russian-German experience and perspectives: Conference Proceedings]. Moscow, DirektMediaPublishing Publ., 2007. Pp. 25–34 (in Russian).
- Lezina E. Pamyat', identichnost', politicheskaya kul'tura i poslevoennaya germanskaya demokratiya [Memory, identity, political culture and post-war German democracy]. *Otechestvennye zapiski*, 2013, no. 6 (57). URL: www.strana-oz.ru/2013/6/pamyat-identichnost-politicheskaya-kultura-i-poslevoennaya-germanskaya-demokratiya (Accessed: 05 January 2014) (in Russian).
- Miller A. I. Debaty ob istorii i nemetskaya identichnost' [Debates on the history and German identity]. *Political Science*, 2005, no 3, pp. 66–75 (in Russian).
- Orlov B. S. *Problemy identichnosti v sovremennoi Germanii. Analit. obzor. Tsentri nauch.-inform. issled. global. i regional. problem. Otd. Zap. Evropy i Ameriki* [Problems of identity in modern Germany. Analytical survey. Center for scientific information studies on global and regional problems. Dept. of Western Europe and America]. Otv. red. V. P. Lyubin. Moscow, 2012. 76 p. (in Russian).
- Pogorel'skaya S. Germaniya na rubezhe vekov. Nekotorye aspekty evropeiskoi politiki ob'edinennoi Germanii [Germany at the threshold of the centuries. Aspects of European policies in the unified Germany]. *World economy and international relations*, 2000, no. 1, pp. 89–95 (in Russian).
- Rogozhin A. A. Problema genezisa nemetskogo natsional'nogo samosoznaniya v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenii: istoriya i sovremennost' [The problem of genesis of German national identity in the context of international relations: history and modernity]. *Volgograd State University Bulletin. Ser. 4. Istoriya*. 2011, no. 1(19), pp. 98–103 (in Russian).
- Sadovskaya V. Yu. Rol' sotsial'noi pamyati v podgotovke ob'edineniya Germanii v kontse XX v. [The role of social memory in preparation for the unification of Germany in the late XX century]. *Ivanovo State University Bulletin. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 4, pp. 20–26. URL: elibrary.ru/item.asp?id=17299461.
- Tyukarkina O. M. Nemetskii vopros i problema formirovaniya nemetskoi natsional'noi identichnosti [German issue and the problem of forming the German national identity]. *The world and politics*, 2012, no. 12 (75). URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html> (Accessed: 05 January 2014) (in Russian).
- Flakke M., Shmigel't U. GDR: Iz mraka k zvezdam. Gosudarstvo v duhe antifashizma [GDR: from darkness to the stars. The state in the spirit of antifashism]. *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [The memory of war 60 years later: Russia, Germany, Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. Pp. 118–134 (in Russian).
- Habermas Yu. Granitsy neoistorizma. Beseda s Zhanom-Markom Ferri [Borders of neohistoricism. Conversations with Jean-Marc Ferri]. *Politicheskie raboty* [Political studies]. Moscow, Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa PRAKSIS Publ., 2003. Pp. 85–91 (in Russian).

Haideman G. Ekonomicheskie, sotsial'nye i psichologicheskie aspekty ob'edineniya Germanii spustya 20 let: uspehi i oshibki razvitiya [Economic, social and psychological aspects of German unification, 20 years later: successes and errors of development]. *Razrushenie i vozrozhdenie v istorii Germanii i Rossii: Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Distraction and revitalization in the history of Germany and Russia: Collection of papers of the international conference]. (Tomsk, 23–25 September 2009) Seriya «Germanskii issledovaniya v Sibiri». Vyp. 7. Tomsk: Tomsk University Press Publ., 2010. P. 285 (in Russian).

Shul'tse P. Nemetskii poisk natsional'noi identichnosti [German search for national identity]. *Free Thought*, 2007, no. 11, pp. 177–184 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

Сайнакова Н. В.

ЦЕРКОВЬ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ В СЕЛЬКУПСКИХ ЮРТАХ ИВАНКИНЫХ КАК ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В НАРЫМСКОМ КРАЕ

Рассматривается история церкви Живоначальной Троицы в юртах Иванкиных, которая является одной из первых православных церквей в Нарымском Приобье. Открытие церкви в инородческом (селькупском) поселении свидетельствует об интенсификации в XVIII в. процесса христианизации среднеобских селькупов. В статье суммированы архивные данные, дополненные полевыми материалами автора, в которых отражены события, связанные с данной церковью.

Ключевые слова: *церковь Живоначальной Троицы, христианизация, среднеобские селькупы, юрты Иванкины.*

Церковь Живоначальной Троицы является одной из первых православных церквей в Нарымском крае, чему свидетельствуют, например, записи в дневниках Г. Ф. Миллера, сделанные им во время его путешествия по Приобью в 1740 г. Учитывая, что юрты Иванкины были инородческим (селькупским) поселением, наличие церкви в данном населенном пункте является неоспоримым свидетельством христианизации среднеобских селькупов. Данная тема мало исследована, так как история церквей севера Томской губернии и церковно-приходских школ, а также судьба первых священнослужителей и религиозность населения до 1917 г. практически не освящались широко в научной литературе советского периода.

Об иванкинской церкви исследователи имеют весьма немного достоверных сведений, однако некоторая информация о храме, построенном в Иванкиных юртах и впоследствии перенесенном в крестьянское село Инкино, сохранилась.

Одним из ранних упоминаний о данном храме стоит считать описание Г. Ф. Миллера, который отмечал, что стоит «...Троицкий погост, на восточном берегу, в ½ версты ниже устья указанного рукава реки Кети. Здесь имеется построенная для остяков церковь Живоначальной Троицы и при церкви остяцкая деревня на 17 юрт, которая раньше носила русское название Иванкины юрты, а по-остяцки называлась Pi-jet или Pigi-et. Отсюда возникло также название Иванкина волость, поскольку она к ней относиться» (Миллер, 1996: 182). Очень важной является информация исследователя о том, что в приход храма входили 17 юрт [дворов], но, к сожалению, о самих жителях этого поселения он больше никаких сведений не дает (подробнее о селькупских населенных пунктах в Приобье по материалам Г. Ф. Миллера см. (Тучкова, 2012).

А. Ф. Плотников в историко-статистическом очерке «Нарымский край» (1901) об иванкинской церкви пишет следующее: «Желая увековечить память Сидзи-Сычина, жители, спустя немного лет после крещения, построили часовню, а затем в 1718 г. деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы. Эту церковь, по приходу ее в ветхость, перестроили вновь, но она скоро сгорела, на месте которой была построена новая, простоявшая до 1804 г. Эта последняя церковь была, по распоряжению начальства и по случаю ветхости, снесена в д. Инкину (с 1812 г. село) Кетской волости (см. указ

нарымского земского суда от 11 августа 1805 г.), но, несмотря на это, до 1830 г. приход назывался Пиковским. Переносу церкви в крестьянское селение инородцы противились, но так как власти были всегда на стороне крестьян – поделаться ничего не могли. Церковь перенесена и освящена в 1812 г.» (Плотников, 1901: 152).

Источником, подтверждающим факт переноса церкви Живоначальной Троицы из юрт Иванкиных в с. Инкино, являются «Справочные книги по Томской епархии» за 1898–1899, 1902–1903, 1909–1910, 1914 гг., где имеются сведения, в том числе и о церкви Живоначальной Троицы, которая была отстроена в 1862 г. в с. Инкино. Кроме того, есть данные об основании в 1892 г. церковно-приходской школы в юртах Иванкиных и о построенной там же в 1901 г. церкви-школы «во имя Святого пророка Божья Ильи». Также в книгах говорится об учителях и количестве учеников в ней и есть данные о составе инкинского прихода, куда входили и жители юрт Иванкиных, см.: приложение 1 (Справочная книга 1898: 159–160; 1902: 159–160; 1909: 219; 1914: 161–162).

В 2001 г. Т. К. Кудряшова, опираясь на очерк А. Ф. Плотникова «Нарымский край» и собрав материал об отношении к христианству местных жителей д. Иванкино, написала работу «Церковь Живоначальной Троицы». Здесь Т. К. Кудряшова пишет, что в 1629 г. Пиковская волость, в которой наиболее крупными были юрты Иванкины и Кияровы, упоминается в окладных книгах. В середине XVII в. этой волостью управлял князец Сидзу Иванка, который в начале 1700 г. вместе с семьей принял крещение (Кудряшова, 2001: 133).

Кроме самого факта крещения в 1714 г. жители, по мнению краеведа Т. К. Кудряшовой, выполнили также указ Петра I об уничтожении культовых мест, получив взамен гербовую охранную грамоту на право пользования прилегающими землями. Т. К. Кудряшова пишет, что церковь им нужна была как знак принадлежности к новой жизни (Кудряшова, 2001: 133). После крещения Сидзу принял фамилию Сычин, а село стало называться юрты Иванкины (Кудряшова, 2001: 132).

По данным Т. К. Кудряшовой, собранным у местных жителей юрт Иванкиных, после того как церковь перенесли в 1804 г. в Инкино, жители стали собирать деньги на строительство новой церкви. В 1892 г. земство принимает решение о строительстве в Иванкино церкви-часовни исполовья. В 1896 г. церковь-часовня была освящена (Кудряшова, 2001: 133).

В 2001 г. на основе материала из вышеупомянутых источников Л. Е. Устиновым была выпущена книга, посвященная истории церквей и церковно-приходских школ Нарымского края – «Священнослужители и религиозность населения (1597–1953)». О церкви Живоначальной Троицы в юртах Иванкиных автор дает следующую краткую информацию: «В 1718 г. здесь была построена для обслуживания инородцев деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы; позднее ее перестроили, когда она пришла в ветхость, но вскоре она погибла при пожаре. На ее месте была построена новая Троицкая церковь, простоявшая здесь до 1804 г. – по распоряжению из Тобольской Епархии её разобрали и перевезли в с. Инкино (20 вёрст)» (Устинов, 2002: 25).

Село Инкино было основано русскими в 1802 г., а уже в 1804 г. в быстро растущее село привезли из юрт Иванкиных разобранный деревянный Троицкий храм. Здесь

ее собрали на новом фундаменте и в 1805 г. освятили. Она служила до 1861 г., когда из-за ветхости ее закрыли. В 1862 г. в Инкино была построена новая деревянная церковь, названная также во имя Святой Живоначальной Троицы, она действовала до 1910 г. В 1911 г. была построена и освящена новая, третья по счету, деревянная Троицкая церковь. При ней было приписано земли сенокосной 99 десятин (Устинов, 2002: 24).

Священниками в инкинской церкви были: Иван Виноградов, Пётр Александрович Зайков, в 1920-х гг. – Никита Казаков, Александр Иванович Голосов (1873 – ?) и др. Есть сведения и о псаломщиках: Пётр Иванович Коченгин, Александр Александрович Чистосердов (1874 – ?), Василий Фёдорович Большанин и др. В 1932 г. Троицкая церковь в Инкино была закрыта властями и разобрана по бревнышку (Устинов, 2002: 25).

В состав инкинского прихода, по данным «Справочных книг по Томской епархии» за 1902–1903 гг., к церкви Живоначальной Троицы в с. Инкино относились: Кетская волость: с. Инкино; юрты: Иванкины, Кияровы, Зайкины, Сагандуковы, Басмасовы, Инкины (Справочная книга. 1902–1903: 159).

По данным 1909–1910 гг., в состав прихода входили: с. Инкинское; д. Мысовая и Попова заимка; юрты: Инкины, Зайкины, Сагандуковы, Басмасовы, Иванкины, Кияровы (Справочная книга. 1909–1910: 219).

В 1914 г. в состав прихода входили: с. Инкинское; д. Мысовая и Попова заимка; юрты: Инкины, Зайкины, Сагандуковы, Басмановы, Иванкины, Кияровы; пос. Бахинский, Пиковский, Копыловский (Справочная книга. 1914: 161).

В 1890-х гг. в Нарымском крае открылись несколько школ для обучения детей иногородцев. В их число вошла церковно-приходская школа юрт Иванкиных (1892 г.). В каждой школе обучалось по 10–15 детей, по воскресениям и праздникам устраивались беседы учителей с коренными жителями, при этом ученики школ показывали свои успехи в учебе (Устинов, 2002: 39).

В книге Л. Е. Устинова есть сведения о построенной и открывшейся 4 февраля 1901 г. в юртах Иванкиных инкинского прихода одной из первых в нарымском крае церкви-школы во имя св. пророка Божья Илии. Освящение было совершено благочинным № 6 – наблюдателем церковных школ Нарымского края священником Н. Н. Никольским в сослужении инкинского священника И. Виноградова, нарымского священника В. Данилова, ново-ильинского священника В. Лавровского и при участии диакона с. Парабельского И. Заводовского. Во время богослужения пели ученики и ученицы инкинской церковно-приходской школы под руководством псаломщика П. Дедигурова (Устинов, 2002: 25–26).

Также в публикации Л. Е. Устинова есть небольшое описание здания церкви-школы: «Здание состояло из церкви с алтарём, школы, которая отделялась от церкви коридором, и двухкомнатной квартиры для учителя. При церкви была колокольня, построенная на столбах с крышей. Территория была обнесена оградой. Церковь внутри имела богатое украшение. На постройку церкви-школы было отпущено Св. Синодом 500 рублей, епархиальным училищным Советом 100 руб. и Инкинской церковью 200 руб. Были сделаны и частные пожертвования. Так, А. Ф. Колесников пожертвовал 100 руб. и сребровызолоченный потир с приборами в 75 руб.; Ф. С. Колесников пожертвовал

сребропозлаченную дарохронительницу в 100 руб. Первый попечитель церкви-школы Иван Иткумов, первая учительница – Ирина Киселёва» (Устинов, 2002: 25–26).

Иванкинская школа находилась в собственном здании. Это здание было приобретено И. Виноградовым – наблюдателем церковно-приходских школ благочиния священником Троицкой церкви с. Инкинского. Он купил здание на свои средства (200 руб.) (Устинов, 2001: 39).

Иванкинскую церковь-школу дважды посещал при обозрении церковью Нарымского края епископ Макарий. Подтверждением посещения епископа Макария иванкинской церкви является запись в полевом дневнике А. П. Дульзона, сделанной во время его экспедиции в 1952 г. Запись была сделана от местных жителей – Романа Сергеевича Тобольжина и Никифора Максимовича Тобольжина. Они ездили по приглашению Макария в Томск переводить священное писание (Дульзон, 1952: 278).

Обучались в иванкинской церковно-приходской школе в 1898 г. 9 мальчиков и 2 девочки. Учителем в 1898 г. был Николай Сергеев, в 1902 г. – Лев Степанович Конев, в 1909 г. – И. Н. Киселёва (Справочная книга 1898: 160; 1902: 60; 1909: 219).

Финский исследователь (лингвист и этнограф) К. Доннер, путешествуя по Оби в 1911–1913 гг., изучал язык и культуру селькупов и обращал особое внимание на бытовую и религиозную стороны их жизни. Он считал, что «немногим самоедам, хотя и с большим трудом, все же удалось примириться с новыми условиями жизни, и, тем самым, подняться на более высокий культурный уровень». Как пример этого К. Доннер упоминает о ю. Иванкиных, в которых была открыта национальная школа (Доннер, 2008: 32–33).

В настоящее время в Иванкино церкви не существует. В фондах Колпашевского краеведческого музея ТОКМ, головного музея ТОКМ, а также ГАТО и ЦДНИТО материалы, относящиеся к данному храму, пока не выявлены, как не выявлены и какие-либо его изображения.

На сегодняшний день о бывшей в юртах Иванкинских церкви жители практически ничего не знают. С. Н. Сычин (исполнявший в 1990-е гг. обязанности главы местной администрации) сообщил, что церковь, вероятно, стояла на том месте, где сейчас в Иванкино находится школа. Позднее на кладбище – на могилах – была построена небольшая часовня, но сейчас нет и ее (ПМА, 2012: 46).

Таким образом, собранные сведения о церкви в с. Иванкино позволяют датировать период ее существования: 1718–1804 гг. Сам факт наличия церкви в инородческом (селькупском) поселении является многозначительным. Он свидетельствует не только о миссионерской работе Русской православной церкви, но и о поворотном моменте в религиозной жизни местного коренного населения – шёшкупов р. Оби, повлекшем за собой интенсивный процесс их русификации.

Список литературы

- Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 176 с.
- Дульзон А. П. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков / ЛЯНС ТГПУ. Томск, 1952. Т. I. С. 217–289.
- Кудряшова Т. К., Кудряшова Д. А., Ким А. А. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое // Земля Колпашевская. Томск, 2000. С. 186–205.
- Кудряшова Т. К. Церковь Живоначальной Троицы (в с. Иванкино) // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 132–133.
- Миллер Г. Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 год // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 172–186.
- Плотников А. Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб., 1901. 385 с.
- Сайнакова Н. В. Полевые материалы. Томск, 2012–2013. С. 67.
- Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 г. Томск, 1903. С. 458.
- Справочная книга по Томской епархии за 1902–1903 г. Томск, 1903. С. 531.
- Справочная книга по Томской епархии за 1909–1910 г. Томск, 1911. С. 810.
- Справочная книга по Томской епархии за 1914 г. Томск, 1914. С. 594.
- Тучкова Н. А. О расселении селькупов в Приобье по топонимическим данным Г.-Ф. Миллера // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 136–139.
- Устинов Л. Е. Крестный путь. Томск, 2001. С. 72.

Сайнакова Н. В., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: pushkareva0723@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 07.07.2014.

Приложение¹

Справочные книги по Томской епархии	
1898–1899 гг.	
Приходы и церкви, церковные школы и попечительства	Священно-церковнослужители
<p>Инкинский приход – церковь деревянная, во имя Святой Живоначальной Троицы; построена церковь в 1862 г. При ней сенокосной земли 99 десятин. Причта по штату: священник и псаломщик. Содержание: жалованья от казны 400 рублей, от прихожан 80 пудов. Прихожан: мужского пола – 442, женского – 477, раскольников нет. Расстояние от Томска в 408 верстах. Церковь-школа в юртах Иванкиных, деревянная, ее постройка не окончена. Церковно-приходская школа открыта в 1888 г.; в 1898 г. в ней обучалось 13 мальчиков и 6 девочек; учительницей была Татьяна Межова, окончившая курс в начальной школе; от епархиального училищного совета получает 180 рублей жалованья в год. В юртах Иванкиных школа грамоты открыта в 1892 г.; школа находится в собственном здании. Обучалось в ней в 1898 г. 9 мальчиков и 2 девочки; учитель Николай Сергеев, из 4 класса гимназии; в год получает 120 рублей жалованья от епархиального училищного совета.</p>	<p>Священник Иван Васильевич Виноградов, 57 лет; окончил курс в Духовном училище; рукоположен в священника в 1891 г. 17 ноября; с 30 декабря 1892 г. по 14 августа 1895 г. состоял наблюдателем за церковными школами благочиния № 6. Личный почетный гражданин Николай Лавров допущен к исправлению должности псаломщика 19 февраля 1899 г.</p>
1902–1903 гг.	
<p>Инкинский приход – церковь деревянная, во имя Святой Живоначальной Троицы; построена церковь в 1862 г. При ней сенокосной земли 99 десятин. Состав прихода: Кетской волости: с. Инкино, юрты: Иванкины – 20 верст, Кияровы – 25 верст, Зайкины – 5 верст, Сагандуковы – 15 верст, Басмасовы – 20 верст, Инкины – 3 верст. Причта по штату: священник и псаломщик. Содержание: жалованье от казны 400 рублей, от прихожан 80 пудов, помещение готовое. Прихожан обоего пола до 1000 д., раскольников нет. Расстояние от Томска в 403 версты, от благочинного – 65 верст. Церковь-школа в юртах Иванкиных, деревянная, постройка не окончена. 2 церковно-приходские школы: в с. Инкинском школа открыта в 1888 г., помещается при церковной караулке; учитель Андрей Николаевич Тамбовцев, из городского училища. Получает жалованье 150 рублей в год от епархиального училищного совета. В юртах Иванкиных школа открыта в 1892 г. Школа находится в собственном здании. Учитель Лев Степанович Конев, из Томской церковно-учительской школы. Получает 120 рублей жалованья в год от епархиального училищного совета.</p>	<p>Священник Псаломщик Пётр Андреевич Дедигуров, 23 года, из сельского училища; псаломщиком с 1899 г.</p>

¹ В текст приложения внесены поправки, не касающиеся его содержания.

1909–1910 гг.	
<p>Инкинский приход – церковь деревянная, во имя Святой Живоначальной Троицы. Церковь построена в 1862 году. При церкви сенокосной земли 99 десятин. Расстояние от г. Томска 410 верст. Почтовый адрес: через Колпашевское почтовое отделение. Состав прихода: с. Инкинское, деревня: Мысовая и Попова заимка, юрты: Инкины в 2 версты, Зайкины – 5 верст, Сагандуковы – 12 верст, Басмасовы – 20 верст, Иванкины – 20 верст, Кияровы – 25 верст. Прихожан обоего пола 1107 душ. Причта по штату: один священник и один псаломщик. Содержание: жалование из казны 400 рублей, от прихожан 100 пудов (выплачиваются не сполна) и доходы от треб. Церковь-школа во имя святого пророка Божья Ильи в юртах Иванкиных построена в 1901 г. Церковно-приходская школа: В юртах Иванкиных открыта в 1892 г. Учительница И. Н. Киселёва. Получает жалование 240 рублей. В с. Инкинском открыта в 1888 г. Учитель Н. К. Лапухин. Получает жалование 240 рублей. Учащихся обоего пола в первой школе 12 и во второй 20 человек. В церковной библиотеке 255 названий в 632 томах. Церковно-приходское попечительство существует с 1902 г.</p>	<p>Священник Александр Ефимович Казанский, 43 года, из 3 класса Томского духовного училища; Определен псаломщиком с 30 мая 1883 г., рукоположен в дьякона с 30 мая 1893 г. и во священника с 14 июня 1898 г., награжден набедренником в 1906 г.; на настоящем месте с 1910 г. Псаломщик Игнатий Александрович Булгаков, 45 года, домашнего образования; на службе и на настоящем месте с 28 марта 1908 г.</p>
1914 г.	
<p>Инкинский приход – церковь деревянная, однопрестольная, во имя Святой Живоначальной Троицы. Церковь построена в 1911 г. Сенокосной земли при ней 99 десятин. Расстояние от г. Томска 410 верст. Состав прихода: с. Инкинское, деревня: Мысовая и Попова заимка 2 версты. и юрты: Инкины в 2 версты, Зайкины – 8 верст, Сагандуковы – 12 верст, Басмановы – 18 верст, Иванкинв – 20 верст, Кияровы – 21 верст, поселок: Быхинский – 10 верст, Пиковский – 30 верст, Копыловский 19 верст. Прихожан обоего пола 1336 человек. Причта по штату: один священник и один псаломщик. Содержание: жалованье от прихожан 600 рублей, от прихожан 80 пудов и доходов от требований. – 592 рублей. Церковно-приходские школы: В юртах Иванкиных школа построена в 1892 г. В с. Инкинском школа открыта в 1888 г. Церковно-приходское попечительство существует с 1902 г.</p>	<p>Священник Сергей Михайлович Фелидов, 34 года, окончил Барнаульское духовное училище. На службе с 1895 г. Священником на настоящем месте с 1913 г. Псаломщик Анатолий Семёнович Паршаков, 43 года. На службе с 1906 г.</p>

Sajnakova N.V.

THE CHURCH OF TRINITY IN THE SELKUP VILLAGE OF IVANKINO – ONE OF THE FIRST ORTHODOX TEMPLES IN NARYM AREA

The paper reviews the history of the church of Trinity in the village (yurts) of Ivankino, which is one of the first orthodox churches in Narym trans-Ob area. The opening of the church in the native (Selkup) population area marks the intensification of the Christianization of the middle-Ob Selkups in the XVIII century. The account summarizes the archive data supplemented by the field materials of the author concerning the church.

Key words: *church of Trinity, christianization, middle Ob selkups, Ivankino yurts.*

References

- Donner K. *U samoedov v Sibiri* [With the Saomyeds of Siberia]. Tomsk, Veter Publ., 2008. 176 p. (in Russian).
- Dul'zon A. P. *Materialy po jazyku i jetnografii narymskih ostjakov* [Archive materials on the language and ethnography of Narym Ostjaks]. Tomsk, LJaNS TGPU, 1952, vol. I. Pp. 217–289 (in Russian).
- Kudryashova T. K., Kudryashova D. A., Kim A. A. *Jurty Ivankiny: vzglyad v proshloe* [Jurts Ivankino: a look into the past]. *Zemlya Kolpashevskaya* [The Land of Kolpashevo]. Tomsk, 2000. Pp. 186–205 (in Russian).
- Kudryashova T. K. *Tserkov' Zhivonachal'noy Troitsy (v s. Ivankino)* [The church of Trinity in the village of Ivankino]. *Mezhdisciplinarnoe izuchenie jetnosov Sibiri* [Interdisciplinary studies of the ethnoses of Siberia]. Tomsk, 2001. Pp. 132–133 (in Russian).
- Miller G. F. *Puteshestvie po vode vniz po Tomi i Obi ot Tomska do Naryma. 1740* [The travel by water down the Tom and Ob rivers from Tomsk to Narym 1740]. *Sibir' XVIII veka v putevyh opisanijah G. F. Millera* [Siberia of the XVIII century in the first accounts by G.F.Miller]. Novosibirsk, 1996. Pp. 172–186 (in Russian).
- Plotnikov A. F. *Narymskij kraj (5 stan Tomskogo uezda Tomskoj gubernii). Istoriko–statisticheskij ocherk* [Narym area (5th site of Tomsk district of Tomsk region). Historical-statistical survey]. Saint Petersburg, 1901. 385 p. (in Russian).
- Sajnakova N. V. *Polevyje materialy* [Field notes]. Tomsk, 2012–2013. P. 67 (in Russian).
- Spravochnaja kniga po Tomskoj eparhii za 1898–1899 g.* [Reference Book of Tomsk eparchy 1898–1899]. Tomsk, 1903. P. 458 (in Russian).
- Spravochnaja kniga po Tomskoj eparhii za 1902–1903 g.* [Reference Book of Tomsk eparchy 1902–1903]. Tomsk, 1903. P. 531 (in Russian).
- Spravochnaja kniga po Tomskoj eparhii za 1909–1910 g.* [Reference Book of Tomsk eparchy 1909–1910]. Tomsk, 1911. P. 810 (in Russian).
- Spravochnaja kniga po Tomskoj eparhii za 1914 g.* [Reference Book of Tomsk eparchy 1914]. Tomsk, 1914. P. 594 (in Russian).
- Tuchkova N. A. *O rasselenii sel'kupov v Priob'e po toponimicheskim dannym G.-F. Millera* [On the settlement of Selkups in Trans-Ob area based on toponymic data of G.-F.Miller]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 1 (116), pp. 136–139 (in Russian).
- Ustinov L. E. *Krestnyj put'* [The way of the cross]. Tomsk, 2001. P. 72 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: pushkareva0723@rambler.ru

СООБЩЕНИЯ

Фильченко А. Ю.

XXVII ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

28–29 июня в научной библиотеке ТГПУ прошла 27-я международная конференция по лингвистике, антропологии, этнографии и национальному образованию «Дульзоновские чтения». В конференции приняли участие 50 ученых и преподавателей из регионов Сибири и Дальнего Востока, а также Германии, Финляндии и Венгрии.

Конференция относится к старейшим научным мероприятиям, проводимым в Томском государственном педагогическом университете. В последнее десятилетие организацией и проведением конференции занимается кафедра языков народов Сибири ТГПУ.

Тематика серии международных конференций «Дульзоновские чтения» традиционно охватывает широкий круг общетипологических вопросов в сфере исследований языков России, германских и романских языков: лингвистических, этнографических и археологических исследований миноритарных этносов России, уделяя особое внимание вопросам изучения языков и культур коренного населения Сибири: фонетике / фонологии, морфологии, лексике, синтаксису и семантике, прагматике в синхронном и диахронном аспектах, вопросам документации, сохранения и преподавания национальных / исчезающих языков, а также широкому перечню проблем этнографии и археологии Сибири.

В последнее время сфера интересов томской типологической школы и конференции «Дульзоновские чтения» также включает различные аспекты системной организации языков и культур России, в особенности Западной Сибири, с позиций как традиционной общей, так и ареальной типологии.

В 2014 г. конференция ставила своей задачей способствовать укреплению сотрудничества между молодыми учеными и поддержке местных описательных и типологических изысканий, а также обратить особое внимание на описания индивидуальных и комплексных аспектов развития и взаимодействия внутренних и внешних факторов эволюции языков и культур. Таким образом, в этом году большинство докладов были посвящены таким, например, темам:

- описания общих и частных вопросов внутренней вариативности и эволюции индивидуальных грамматических систем (аспекты грамматикализации) в малоизученных языках России (в частности финно-угорских, самодийских, енисейских, алтайских);
- описания культурного/социального контекста эволюции языковых систем;
- анализ общих и частных аспектов контактного взаимодействия в эволюции языков и культур;
- перспективные междисциплинарные исследования исчезающих языков и культур;

- общие и частные вопросы теории, методологии и технологий документации языкового и культурного разнообразия;
- вопросы этнографии, археологии, культурной и материальной антропологии Сибири.

Теоретический диапазон, терминология и методология, масштаб и глубина существующих описаний в этих областях в значительной степени разнятся. С учетом этого фактора одной из центральных задач конференции в 2014 г. являлось обеспечение продуктивного взаимодействия имеющихся теоретических парадигм, методологий, терминологий; расширение эмпирической базы исследований как необходимое условие для полноценного развития исследовательской области.

В оргкомитет конференции в 2014 г. вошли доцент ТГПУ А. Ю. Фильченко, профессор ТГПУ А. А. Ким-Малони, профессор Университета Гамбурга Беата Вагнер-Надь, доцент НИ ТПУ О. С. Потанина, доценты ТГПУ Н. А. Тучкова и Н. В. Полякова, сотрудник Томского ОГБУ РЦРО З. С. Камалетдинова.

В 2014 г. организация и проведение конференции стали возможными при поддержке РФФИ – грант № 14–06–06049\14.

Материал поступил в редакцию 09.07.2014.

Filchenko A. Yu

XXVII DULZON READINGS

The XXVII International conference “Dulzon Readings” was held at the academic library of Tomsk State Pedagogical University on 28–29 June 2014.

Traditionally the International Series of Conferences “Dulzon Readings” covers a wide range of topics: typological studies of the languages of Russia, Germanic and Romance studies: linguistic, ethnographic and archeological studies of national minorities of Russia with a special focus on the indigenous languages and culture of Siberia: phonetics and phonology, morphology, lexical studies, syntax, pragmatics in synchronic-, diachronic- and areal perspectives; ethnography and archeology of Siberia; documentation of endangered languages, their revitalization and ethnic minority education.

In 2014, the conference strived to facilitate interaction among young scholars, as well as to support local typological research, paying special attention to the studies of language-internal and -external factors in the evolution of language and cultures, individually and in interaction. As such, in 2014, most of the presentations of the current and perspective research projects dealt with such issues as:

- aspects of system-internal variation and evolution of grammar of individual language systems (aspects of grammaticalization) in lesser-studied languages of Russia (especially Finno-Ugric, Samoyedic, Yeniseic, Altaic);
- cultural/social context of language evolution;
- general and unique aspects of contact interaction in the evolution of languages and cultures;

- inter-disciplinary studies of endangered languages and cultures;
- theory, methodology and technology of documentation of linguistic and cultural diversity;
- studies in material and cultural anthropology of Siberia.

Theoretical framework, terminology and methodology of research as well as the scope and depth of the existing studies vary to a great extent. The “XXVII Dulzon Readings” aimed to ensure the productive interaction of the theoretical approaches, methods and terminologies and to provide the extensive empirical data essential for the development of this research field.

НАШИ АВТОРЫ

- Грошева Г. В. – кандидат исторических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru
- Кобенко Ю. В. – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050
E-mail: serpentis@list.ru
- Крюкова Е. А. – кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: elenakrjukova@tspu.edu.ru
- Моисеева Е. Ю. – аспирант, ассистент
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: egyptcat17@gmail.com
- Сайнакова Н. В. – аспирант
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: pushkareva0723@rambler.ru
- Терещенко А. В. – магистрант
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: annadocuments1988@gmail.com
- Фильченко А. Ю. – кандидат филологических наук, Ph. D. Linguistics, доцент, старший научный сотрудник
Томский государственный педагогический университет
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
E-mail: afiltchenko@tspu.edu.ru
- Шестера Е. А. – преподаватель, аспирант
Новосибирский государственный технический университет
Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630073
E-mail: elena-schestera@mail.ru

AUTHORS

- Filchenko A. Yu* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: afiltchenko@tspu.edu.ru
- Grosheva G. V.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru
- Kobenko Yu. V.* – National Research Tomsk Polytechnic University
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050
E-mail: serpentis@list.ru
- Kryukova E. A.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru
- Moiseeva E. Yu.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: egyptcat17@gmail.com
- Sajnakova N. V.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: pushkareva0723@rambler.ru
- Shestera E. A.* – Novosibirsk State Technical University
Pr. K. Marksa, 20, Novosibirsk, Russia, 630073
E-mail: elena-schestera@mail.ru
- Tereschenko A. V.* – Tomsk State Pedagogical University
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061
E-mail: annadocuments1988@gmail.com

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru. Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (docx/doc и pdf).

Для статей на русском языке:

- 1-й файл (на русском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, e-mail;
- 2-й файл (на английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учебы).

Для статей на английском языке:

- 1-й файл (на английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, e-mail;
- 2-й файл (на русском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учебы).

Для статей на немецком языке:

- 1-й файл (на немецком языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объемом не более 10 печатных строк на русском языке), ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы, место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, e-mail;
- 2-й файл (на русском языке или английском языке). Ф.И.О. автора (ов) полностью, название статьи, аннотация статьи (объем – 1 страница), ключевые слова, место работы (учебы).

Текст статьи объемом не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон.

Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи по алфавиту (русскоязычные источники сопровождаются транслитерацией). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Hajdu, 1970: 136).

REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION TO THE “TOMSK JOURNAL OF LINGUISTICS AND ANTHROPOLOGY”

Submissions for publication are accepted electronically in two formats (MS.DOC and Adobe.PDF) at tjla@tspu.edu.ru

For the submissions in Russian:

– the first file in Russian: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.

– the second file in English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

For the submissions in English:

– the first file in English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.

– the second file in Russian: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

For the submissions in German:

– the first file in German: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 10 lines), keywords, text of the paper, Bibliography (List of Sources), work address of the author(s), degree, academic titles, academic post, e-mail address.

– the second file in Russian or English: Full Name of the author(s), Title of the paper, abstract (upto 1 page), keywords, work address of the author(s).

The volume of the submission generally should not exceed 16 A4 pages (including Bibliography, Graphs, Tables, etc) and has to be formatted (Times New Roman, 14pt, line spacing 1,5, all margins 2cm), and saved as MS.DOC and Adobe.PDF files. Graphs, Figures are to be either in JPEG or TIFF formats, while Diagrams maybe in MS Excel format, all submitted as separate attached files.

Cited bibliography and sources are to be listed alphabetically (Russian sources are accompanied by transliteration). References in the text are to show in Parentheses (e.g. (Hajdu, 1970: 136)).